

Элтэнно.
Хранимая Звездой

2227.

Основано на реальных событиях (18+)

Элтэнно. Хранимая Звездой 2227. Основано на реальных событиях

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70626238
SelfPub; 2024*

Аннотация

2227 год. Другая планета. Человечество ради выживания вынуждено предпринять суровые меры. Нет института семьи. Все ресурсы строго распределяются. Протест означает смерть. Главный герой мечтает изменить свою жизнь, он хочет вырваться из системы.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	18
Глава 3.	32
Глава 4.	46
Глава 5.	59
Глава 6.	74
Глава 7.	87
Глава 8.	100

Элтэнно.

Хранимая Звездой 2227. Основано на реальных событиях

Глава 1.

Нет ничего глупее, чем покупать что-то на вырост и про запас. Я помню, в своё время мне понравилось кольцо. Старомодное мужское кольцо, сделанное из нержавеющей стали. Оно не подходило мне по размеру, было большим, а потому прячущийся в переулке торгош хотел сунуть его обратно к себе за пазуху. Но в тот момент мне стало так страшно остаться без желанного сокровища, что я начал сбивчиво объяснять, что беру кольцо в подарок для друга и оно мне очень-очень нужно. Именно это кольцо и никакое другое. Так что да, мне продали безделушку. Но что с того? Спустя десять лет, я всё равно не могу надеть его и не только потому, что украшения не принято носить, но и потому, что кольцо до сих пор мне ужасно велико. Зря я мечтал, пальцы у меня так и не стали пухлее. И теперь то, что кольцо бесцельно ле-

жит в шкатулке, гнетёт мою душу. Ведь почему-то никто не покупает машину про запас. Никто не говорит: «Да, я боюсь садиться за руль, но вдруг в какой-то момент мои мысли изменятся? Что, если мне захочется водить транспорт? И вообще, хорошо бы запланировать покупку парашюта».

Чёрт! Почему же с другими вещами так?

– Мистер Альберт, я к вам обращаюсь, – напомнил о себе сотрудник контроля и поглядел на меня ещё более строго.

– Да, простите.

Не стоило его злить. Никого здесь не стоило злить. Если ты попал к следователю, то это первый шаг к тюрьме. Нужно быть покладистее.

– Итак, мистер Альберт, шестого июня две тысячи двести двадцать шестого года система зафиксировала, что вы приобрели вторую за полгода рубашку одного и того же размера.

– Да, но у меня была в том необходимость. Моя порвалась в районе шва.

– Вы написали претензию производителю?

– Нет, но... я, правда, хотел. Просто побоялся. Меня пугают официальные процедуры.

Изображать из себя зажатого стеснительного парня было не сложно. Мне было под тридцать, но я до сих пор выглядел как худощавый выпускник школы. Наверное, повезло с генетикой. А испытываемый мною испуг способствовал созданию впечатления робости.

Следователь, однако, не изменился во взгляде.

– Месяцем ранее вы тоже занимались покупками, – он сверился с показаниями на планшете. – В тот раз спортивная обувь, кроссовки.

– Доктор сказал, что мне стоит заняться бегом. Бег может быть полезен для моего здоровья.

– Вы юлите, мистер Альберт, – откладывая в сторону планшет, сказал следователь и, сцепив руки в замок, наклонился в мою сторону. – Ради своих прихотей вы готовы покупать ненужные вам вещи. Вы бесцельно тратите ресурсы планеты. Вы заставляете общество работать на вас.

– Простите, сэр, но это не так.

– Разве? Разве вам есть дело до того, что для производства каждого предмета требуется энергия? А из чего она образуется? Помните?

От того, как он так наседавал на меня, у меня словно язык отнялся. Я не мог вымолвить ни слова, а потому только утвердительно закивал головой.

– Да, мистер Альберт, мы с вами живём не в двадцать первом веке и не на благословенной прародине человечества. Вокруг нас другая планета, и здесь мы вынуждены производить даже дополнительный кислород. А источник энергии только один и, увы, он ведёт к радиоактивному загрязнению. Но нет, вы готовы искусственно завышать спрос! Вам не жалко этот мир так же, как людям прошлого столетия их мир. Вы готовы уничтожить экосистему из-за своей алчности. Вам всё равно, что из-за своего эгоизма, вы можете оставить в

космосе ещё одно кольцо астероидов.

Я чувствовал, как быстро колотится моё сердце. Мне было очень страшно. Я не хотел в тюрьму. Я не хотел, чтобы там меня истязали тяжёлыми работами. Я не хотел, чтобы моё тело отправили на органические удобрения. Мне жить хотелось. Жить!

– Сэр, мне бы такое даже в голову не пришло, – пролепетал я. – Это не так.

Следователь смерил меня цепким взглядом, но, если бы они нашли мою кладовую, то этого разговора не состоялось бы. У них пока на меня ничего нет, только подозрения. Будь спокойнее, Альберт. Будь спокойнее.

– Можете быть свободны, – после долгой тишины, наконец, сказал допрашивающий меня тип.

От испытываемого облегчения я был готов только что не взлететь. От счастья тело словно потеряло вес. Я буквально-таки вспорхнул с кресла. Мои невесомые ноги устремились к выходу. Однако, стоило мне открыть дверь, как следователь окликнул меня, и я, ощутив пробежавший по спине холодок, вынужденно обернулся.

– Мистер Альберт, я видел многих, подобных вам. Я знаю, вы лжёте, а потому однажды мы свидимся вновь. Вы ведь не сможете остановиться, мистер Альберт. То, что вы считаете влечением к прекрасному, на самом деле неизлечимая болезнь. Её прогресс не останавливает даже угроза близкой смерти.

Мне пришлось демонстративно нахмурить брови, как если бы я был возмущён, но на деле у меня даже пальцы задрожали от страха. Чтобы скрыть это, я поспешно вышел из комнаты в коридор и зашагал вперёд по нему, едва различая дорогу перед собой. От страха меня мутило, люди начали на меня поглядывать.

«Будь спокойнее, Альберт», – приказал я самому себе, но толку это принесло мало. Разве что шагать я стал не так быстро, в остальном мой организм меня подводил. Тело потряхивало, нос вдыхал воздух значительно чаще, чем следовало. Щёки и то покраснелись. Мне ужасно хотелось ополоснуть лицо водой, это помогло бы мне снять нервное напряжение. Увы, подобное можно было сделать только дома. Я мог нарваться на какую-нибудь камеру, и тогда отвертеться от пустой траты ресурсов уже бы не вышло. С поддержанием чистоты тела справлялись специальные обеззараживающие кабинки, поэтому использовать питьевую воду для приведения себя в порядок... в нашем мире и в наше время это считалось преступлением.

Выйдя на улицу города мне даже дышать стало легче, хотя состав воздуха несколько не изменился. Специальные устройства распыляли один и тот же газ, что внутри помещений, что вне их. Даже аромата у него не было. Лишь изредка, вот как сейчас, можно было ощутить посторонний запах.

«Клубничное мороженое», – провожая жадным взглядом одетого в школьную форму подростка, сглотнул я слюну. Но

ребёнок этого не заметил. Он продолжал хвастливо рассказывать друзьям какая именно теорема помогла ему набрать необходимое количество баллов на итоговом тесте. Мальчик был собой горд, и мороженое в его руках доказывало, что он имеет на гордость полное право.

... За курс обучения в школе, мне целых семь раз довелось попробовать мороженое, но вела меня вперёд не тяга к знаниям. Мне просто хотелось выделиться, мне хотелось познать вкус чего-то недоступного для других, вот я и старался всюду, куда не пошёл, получить в свой адрес самый первый упрёк. Моя целеустремлённость привела к тому, что во мне заподозрили нездоровый эгоизм. А там я нарвался и на разговор с психологом. Моё будущее оказалось под серьёзным вопросом вследствие этой беседы, но я... мне хватило ума тогда вновь затесаться в «среднячки».

Помотав головой, я понял, что вот-вот сорвусь. Мой страх истончился, и теперь меня поглощала ненависть. Я вдруг возненавидел всё вокруг, включая ничего мне не сделавшего школьника, что так весело болтал с друзьями и лизал своё клубничное мороженое. Ему было хорошо. А вот меня поглощала обида, и, будучи, расстроенным донельзя я решил, что не пойду домой. Ноги сами понесли меня в парк. Там я (благо был уже вечер, и никто не мог высказать мне укор, что я бесцельно трачу рабочее время) сел на скамейку. Скамейка была такой же, как и везде. Пластиковая, белая, с плавными изгибами линий и без спинки, чтобы ни в коем случае не

возникло желание сидеть на ней дольше необходимого. На этой скамейке нельзя было толком отдохнуть, но я пришёл в парк не отдыхать, а думать.

Некогда мир был основан на потреблении. Человек брал то, что хотел, и тогда, когда хотел. Люди эволюционировали с этим качеством. Люди на протяжении тысяч лет возвращали своё эго. Но почему теперь, когда стало необходимо побороть свой природный инстинкт, никто не вспоминает об этом? Отчего приходится жёстко ломать своё нутро, а никто даже не посочувствует? Потребление и эгоизм заложены в саму суть человека, так как можно верить, что их нам способна заменить идеология?

– Не трогай, Мария. Это общая игрушка. Раз её взяла Клара, то тебе нельзя её отнимать, – сказала воспитатель девочке и украдкой взглянула на меня. Моё присутствие в парке её нервировало. Я слишком долго (и отнюдь не тайно) наблюдал за играющими детьми. Женщина не понимала моего внимания. Она не понимала, что я должен, я должен был понять...

Между тем маленькая Мария горько заплакала. Ей было около трёх лет, а потому её разум только учился воспринимать тот факт, что своих вещей у неё почти не будет.

– Но я хочу играть с этой куклой, – от обиды выпятив нижнюю губу, плаксиво заявила девочка.

– Ресурсы не позволяют изготавливать для каждого ребёнка отдельную игрушку. Поэтому если ты не играешь с ней

всё своё время, ты должна делиться.

– Но я хочу куклу!

– Я вижу это, но куклу ты возьмёшь только тогда, когда с ней наиграется Клара. Однако, давай, сделаем время ожидания короче? Давай, я научу тебя чему-нибудь новому?

– Не хочу, я буду ждать свою куклу, – заупрямилась девочка.

– Кукла не твоя, – рассердилась воспитатель и даже погрозила пальцем, прежде чем мягко улыбнулась. – Но ты молодец, что поняла важность ожидания. Можешь смотреть на часы и запоминать.

– Что запоминать? – утирая сопли кулачком, поинтересовалась малышка.

– Например, сколько в сутках часов. Ну-ка, сколько?

– Двадцать? – прозвучало неуверенное предположение.

– Нет, двадцать три. В сутках двадцать три часа и тридцать девять минут. Эх, ну когда же ты это запомнишь? Мария Кюри, право слово, лучше бы ты элементарное запоминала, а не про куклы думала.

Поучение прозвучало зря. Пытаясь выразить протест, девочка заплакала ещё горше и запричитала: «Куклу, куклу хочу». Её плач резал по моим нервам. Он заставил меня вспомнить, почему я по-прежнему не сдаю свой генетический материал для восполнения популяции человечества. Я эгоист. Мне не только хочется растить своего ребёнка самому, так как я хочу прививать ему те качества, которые хочу видеть

в нём я, а не общество. О нет, мне противна мысль, что для меня невозможно будет дать этому ребёнку всё, чего он или она только пожелают.

Ужас, ужас какие кошунственные мысли!

Я нервно провёл пятернёй по волосам и постарался понять, почему так и не вырос. Как так вышло, что остальные люди вокруг меня смогли перебороть своё эго, смогли отказаться не только от лишних, но даже от большинства личных вещей, а я нет. Неужели я настолько дикарь? Я первобытный человек?

– Мистер Альберт Эйнштейн?

Я поднял взгляд от земли и увидел, что слева от скамейки, на которой я расположился, теперь стоит мужчина. Воспитательница и дети куда-то ушли, а он вдруг появился. Ничем непримечательный тип. На нём была серая роба служащего порядка, но, судя по нашивкам, самого низшего уровня. На таких людей обычно внимания никто не обращал, а этот ещё и внешне оказался крайне неприятным на вид. Одутловатый какой-то, плешивый.

– Эм-м, идёт проверка покрытия скамеек на наличие вандальных надписей, и я мешаю? – предположил я, отчего мужчина подошёл ко мне.

– В таком случае, я не назвал бы вас по имени.

– О, так вы меня узнали? – приподнялись мои брови в удивлении, прежде чем рот озвучил самое важное: – Не знаю, где мы могли встречаться, но сейчас я не расположен

к общению.

Если говорить начистоту, то «не был расположен к общению» я не только в настоящий момент, у меня в принципе не было друзей. С моими привычками подобная роскошь была недопустимой глупостью.

– Мы с вами ни разу не встречались лично, – между тем нахмурился незнакомец и даже презрительно фыркнул: – Пф-ф, да как вы ещё не кормите своим телом растения на грядках с такой-то внимательностью?

– Эм-м, простите, – оторопел я и оттого быстро заморгал. Зато голос незнакомца зазвучал жёстко и требовательно, хотя такой тон несколько не соотносился с его неприятным внешним видом.

– Вы Альберт Эйнштейн номер семь тысяч пятьсот сорок один?

– Да, это моё имя.

Имя, которое мне никогда не нравилось. Я понимал, что требование называть детей именами известных личностей, отличная штука. Во всяком случае, мне не был знаком ни один человек, который в своё время не выяснил бы биографию своего тёзки или тёзки друзей. Это основательно способствовало сохранению и распространению знаний. Это должно было мотивировать людей становиться лучше. Но... практика доказывала, что теория не сработала так, как надо. Уже очень давно не происходило никаких значимых открытий, да и вообще достижений в науке не было. Мы про-

сто жили или, вернее, выживали в чужом для себя мире. А потому представляться другим пародиям на гениев великим Альбертом Эйнштейном мне не нравилось. В конце концов, в его портрете я не видел ни одной примечательной черты, а ценил я только внешность. Из-за этой своей особенности мне всегда хотелось быть кем-то другим. Например, кем-то вроде Николы Теслы.

– Я Никола Тесла номер девять тысяч ноль пять.

Моей зависти не было предела. Ну почему кому-то так везёт? Несправедливо до слёз!

– Я знаю, что вы недавно были у следователя, – продолжил между тем этот тип.

– И что? – нахмурился я.

– То, что мы ищем таких, как вы.

– Ну знаете, – достаточно громко возмутился я, но потом приглушил голос. Не очень-то следовало распространяться, что я под подозрением службы порядка. – Я слышал про такие тайные сообщества. Слышал, что люди сами стремятся вершить правосудие, но прекращайте свои глупости, оставьте все разбирательства властям. И да, ко мне больше не подходите. Не смейте.

– Хм. Да, я из тайного сообщества, но не того...

– Оставьте меня в покое, – вставая с лавочки, я отступил на шаг назад от этого человека. – Меня отпустили, так как я ни в чём не виновен. Слышите, не виновен!

– Как и все мы, – как-то зловеще усмехнулся Никола Тес-

ла, прежде чем приоткрыл складку рубы. На обратной её стороне были приколоты сверкающие камушками серьги, новёхонькие цветные шнурки и другие мелкие, но запрещённые безделушки.

Я аж побледнел от вида этого богатства. Взгляд сам собой метался от предмета к предмету, но страх... страх был сильнее желания приобрести новое сокровище. Я крепко сжал ладони в кулаки и выпалил:

– Если это проверка, то вы зря тратите время! Я не причастен к перерасходу ресурсов. Я не виновен.

– Да, Альберт Эйнштейн, это проверка. Но проверка не такого рода. Меня отправили выяснить, хватит ли у вас духу присоединиться к сопротивлению. Анализ вашей личности показал, что вы можете стать отличным сотрудником, что вы подходите нашей организации. Но вопрос в том – хватит ли у вас смелости изменить свою жизнь?

– Бред, – замотал я головой. – Что ещё за организация?

– Её составляют люди, которые не хотят больше экономить. В ней люди, которые хотят жить так, как было запланировано природой – мы хотим обладать, радоваться, чувствовать вкус жизни. Разве у вас не такие же стремления?

– Нет, – состроил я каменное лицо. – Вы ошиблись, я не такой. И вообще, не думайте. Я не куплюсь на вашу сказку!

Мне показалось, что я раскусил хитреца, а потому на моём лице возникла широкая улыбка. Я чувствовал себя так, как будто ловкой змеёй ускользаю от опасности обратно к себе в

нору. Мне так и виделось, что этот Никола Тесла уйдёт ни с чем. Но нет, ему довелось заронить в меня зерно сомнений. Да и мои заверения в невинности никак не поколебали его уверенность.

– У вас нет выбора, Альберт Эйнштейн. Вы под прицелом системы. Без нашей помощи следователи ни за что не оставят вас в покое, так как нынешний разговор в участке отнюдь не закончился для вас желанным избавлением от внимания полиции. Наоборот.

– Меня отпустили, – едва не скрипя зубами, напомнил я.

– Вас оставили в покое только за тем, чтобы поглубже копнуть под вас. Найти ваших поставщиков, возможных друзей по интересам. Полиция хочет получить не только вас, вот следователь и сделал вид, что отступился. Но это не так, и вскоре вы поймёте это сами. Да-да, Альберт Эйнштейн. И молитесь, чтобы к этому моменту для вас уже не было слишком поздно.

– Я не верю вам.

– Вы имеете на это право, – пожал Никола Тесла плечами. – В той организации, в которой я состою, есть право на личный выбор. И всё же, если вам дорога ваша жизнь, приходите на Брайтон Бич двадцать шесть. Это в районе Голливуда.

– Я не приду.

– Придёте, – улыбнулся мужчина. – Вопрос в том – будет ли вход в Рай для вас ещё открыт.

Сказав так, этот человек вернул робу в прежнее опрятное состояние и, тихо насвистывая какую-то весёлую мелодию, пошёл по тропинке прогулочным шагом. Его уверенность в себе породила во мне глубокие сомнения. Я всерьёз встревожился да так, что снова задрожал всем телом.

«Успокойся, успокойся, Альберт», – посоветовал я себе, но внушение нисколько не помогло. Я понял, что даже вряд ли засну этой ночью настолько сильно страх проник внутрь меня.

Глава 2.

Не знаю, насколько это было верным решением, но я не стал искать служителей порядка, чтобы рассказать им о встрече с Николой Тесла. Вариант прийти и сознаться в том, что некто подошёл ко мне с таким антиправительственным предложением, оказался для меня более жутким, нежели получить за отказ от благоразумия крупный штраф, а то и принудительные работы.

Однако, нечего и говорить, страх, поселившийся во мне после разговора со следователем, вырос в разы. Теперь я неистово боялся. Боялся полиции, боялся тайной организации, втихаря самовольно расправляющейся с несознательными гражданами, боялся, что Никола Тесла был подослан ко мне кем-то из этих двоих. До этого я жил в меру спокойной жизнью, а тут... мои нервы не выдерживали напряжения. Всю ночь я не спал, а наутро едва смог приступить к работе. У меня начался жар, но я боялся жаловаться на самочувствие. Я боялся, что моё недомогание будет воспринято обществом, как факт нечистой совести.

Собственно, чтобы немного обелить себя, последующую ночь я посвятил крайне нелёгкому для себя делу.

Перво-наперво мне следовало озаботиться тем, чтобы никто не заподозрил, что я не сплю. Для этого я положил на постель

гантели. Их вес соответствовал норме моего веса, а потому раздался короткий звуковой сигнал и все электроприборы в моей комнатке прекратили работу. Вмиг стало очень темно и тихо. Мне даже показалось, что я слышу стук своего сердца, такая настала тишина. Но затем я отмер и наощупь прокрался к тому месту, где в пол был встроен люк.

В крышке люка не было ручки. Я должен был нажать на определённый участок стены рядом, чтобы сработал механизм и крышка люка самостоятельно поднялась. Однако, то ли пальцы мои дрожали, то ли в моей жизни просто наступила чёрная полоса, но на потайную кнопку я нажал только с четвёртого раза.

Собственно, эта неудача придала мне решимости. Когда я спустился в свою подземную кладовую, то несмотря на испытываемую досаду всё же опустил в портативный утилизатор всю неположенную одежду. Да, мне было больно, но я не оставил ничего из того, что копил годами. А более стойкие к утилизации предметы, вроде столь любимого мною кольца, я положил в пакет и в обеденный перерыв на работе закопал под землю возле баллона с отработанным ядерным топливом. Место было удачное. Вряд ли кто-то начал бы орудовать металлоискателем вблизи столь опасного объекта, а то, что все мои вещи потом станут опасными для здоровья...

Я улыбнулся. Даже сейчас, избавляясь от всех столь милых моему сердцу вещей, я думал только о том, что однажды вернусь к своей привычке коллекционировать их.

«Неужели мало меня напугали, чтобы прекратить всё это раз и навсегда?» – забилась во мне мысль.

И, наверное, да, успокаивались мои нервы, раз я принялся размышлять о том, что и опасным своё кольцо в будущем буду хранить. Всё равно я редко позволял себе его носить. На улицу ведь в нём не выйдешь, сразу заметят неположенную вещь. Поэтому разве что тайком, дома, я бы носил его, а это такая малость, что нескоро бы моё здоровье пошатнулось.

Мысль показалась мне приятной настолько, что я смаковал её все последующие спокойные дни. Их было целых пять. Целых пять суток я приходил в себя, с каждым часом ощущая как всё большее облегчение, так и всё большее сожаление, что поддался страху. Мне уже казалось сущей глупостью лишить самого себя своих сокровищ! Я неистово корил себя, даже стал безалаберен настолько, что вознамерился отправиться на чёрный рынок за чем-нибудь новеньким. Да-да, если бы на работе мне не повезло со сверхурочным делом по устранению неполадок в сервере воздухообразующей базы, то так бы оно и было. Я бы пошёл на чёрный рынок и... и кто знает, что бы тогда со мной случилось?

– Мистер Альберт, вам стоит признаться, – сказал следователь, сурово глядя мне прямо в глаза.

Эти одетые в форму люди разбудили меня посреди ночи. Без стука ввалились в квартиру, вытащили меня из кровати и усадили на стул, направив в лицо яркий свет.

– Признаться в чём?

– Что вы не такой добропорядочный гражданин, каким хотите казаться. Где ваш тайник с неположенными вещами?

Взгляд следователя был таков, что вмиг я вспомнил отчето запаниковал в тот самый первый допрос. Вмиг вспомнились мне насмешливые слова Николы Теслы, что я отнюдь не соскочил с крючка, а только-только на него попался. Я ощущал себя как рыба, которую выдернули из привычной для неё глади озера. Я был мелкой серебристой рыбёшкой, которую рыбак уже держал в своей крепкой мозолистой руке.

Каков будет выбор этого человека? Бросит ли он меня в ведро для улова или отпустит обратно в озеро?

«Обратно в озеро? – с тоской и отчаянием пронеслось у меня в голове. – Да какое озеро? Ты влип, Альберт, влип по полной!».

– Хватит просто смотреть на меня. Говорите, мистер Альберт.

– Но... но у меня ничего нет, – промямлил я. – Только разрешённые вещи, ничего больше.

– Зачем вы усложняете себе жизнь? Так ваше поведение может рассматриваться как отягчающее обстоятельство номер семьдесят четыре, а потому перед тем, как послужить на благо общества смертью, – грозно склонился ко мне следователь. – Так вам предстоит провести в тюрьме в качестве лабораторного испытуемого от трёх до семи лет... Этого вы хотите или сознаетесь, мистер Альберт?

– Я невиновен!

«Я невиновен. Невиновен!» – крутилась в голове мысль. Я старательно сосредоточился на ней, потому что нельзя было дать себе слабину. Они ведь могут выпытать. Вызнать. Выяснить.

– Начать обыск!

Свет от моего лица убрали. Не иначе как для того, чтобы удобнее стало оценивать мой взгляд. Вдруг по нему станет понятно, где расположен тайник? Но я не был новичком в притворстве. Мне было уже около тридцати и больше половины этих лет я изображал из себя робкого нервного типа.

«Но я не такой на самом деле. Я опытный и опасный хищник. Я справлюсь» – постарался уверить себя я.

– Итак, мистер Альберт, – продолжил следователь, – вам двадцать семь лет, но вы не делаете сбережений. Почему?

«Потому что они бессмысленны», – хотелось ответить мне.

Ведь правда, какой смысл в том, чтобы копить? Потратить на всё то, что хочется, заработанное нельзя. Например, я бы с удовольствием начал откладывать деньги на машину, но как? Как, если мне не хотелось менять жильё? А только живя в другом районе можно было бы оправдать перед обществом покупку. Любые траты – это новое внимание к себе. Поэтому делать сбережения для меня являлось табу. В конце концов, не откладывать же на нетрудоспособный возраст, чтобы не отправиться в утилизатор сразу после увольнения? Право, делая выбор между вечной экономией и короткой, но

насыщенной жизнью, мне больше нравился второй вариант. Я предпочитал тратить на всё, что только возможно.

Но вслух я плаксиво сказал:

– Мне нравится моя работа, сэр. Я не представляю, как жить без неё. Я не смогу находиться в четырёх стенах, ничего не делая.

– Хороший ответ, но стандартный, – криво улыбнулся следователь. – Ладно, сделаю вид, что я вам верю, мистер Альберт. Верю, что всё заработанное вам приятно тратить на эти апартаменты и продукты питания, – тут его взгляд неприятно скользнул по мне. – Вы необычайно хорошава для человека, покупающего еду на сорок пять единиц лимита.

– Семнадцать из них уходят на проживание, – тихо напомнил я про аренду комнаты и замолчал. В конце концов, мой вес не превышал допустимые пределы, чтобы обвинять меня в чревоугодии, и следователь это понимал, раз за другое взялся.

– А ещё вы ни разу не делали запрос на поиск пары, – сообщил он. – У вас даже нет друзей. Всё ваше общение ограничивается одной-двумя встречами в неделю с доктором. С чем это связано? Вы боитесь впускать в свою жизнь людей, так как что-то скрываете?

– У меня тревожно-фобическое расстройство, – промямлил я. – Мне страшно начинать совместную жизнь, страшно делиться мыслями с кем-то. Это слишком непривычно.

– Да, этот факт есть в вашей медицинской карте. Но отче-

го вы отказываетесь сдавать свой биоматериал для поддержания популяции человечества? Объясните мне, почему? Вы ненавидите общество?

– Мне... мне страшно... А вдруг будут рождены дети с таким же синдромом, как у меня? Общество должно состоять из сильных личностей, я думаю о благе для всех.

Следователь не сводил с меня ледяного взгляда. Я ощущал себя препарированной лягушкой, которую вот-вот начнут скрупулёзно рассматривать. Мне словно уже разрезали живот, и из него показались кровоточащее нутро...

– Сэр, здесь что-то есть! – вдруг выкрикнул один из обследующих моё жилище. – Кажется, тут люк. Да, точно. Люк.

Взгляд следователя стал зловещим. Он уверенным движением завернул мне руку за спину и силой подвёл ближе к месту, где располагался вход в мой тайник.

– И теперь ничего не скажете, мистер Альберт? – грозно прошипел он. – Ну же, попробуйте объясниться. Что это за тайная комната?

– Это не совсем тайная комната, сэр, – бледнея ещё больше, пробормотал я.

– А что тогда? Для чего вам незаконно расширять своё жилище?

– У-у-у, – из-за того, что в горле внезапно пересохло, мне пришлось сделать вынужденную паузу. – Это у-убежище. На случай землетрясения. Я читал, что такое может произойти и испугался настолько, что решил... У меня много фобий,

я боюсь...

Начать рыдать было не сложно, так как я действительно хотел плакать. Мне не хотелось верить, что кто-то сумел до меня докопаться. Я должен был избежать участи прочих, ведь это же я, я, а не кто-то там! Но настоящее твердило, что я такой же неудачник, как и многие до меня. Хватка следователя была таковой, что я её прекрасно чувствовал и, хотя держал он меня за руку, также он мог бы сжимать и мою шею. Я едва дышал от ужаса.

– Проверить помещение, – через звон в ушах донёсся до меня приказ следователя.

Я запаниковал. Пусть мне хватило смелости (или вернее страха), чтобы уничтожить всё своё тайное имущество, но ведь могли остаться некие следы. Некие следы, которые я не заметил или просто-напросто не догадывался, что могу их оставить за собой. Я ведь был программистом, всего-то программистом, а не полицейским со стажем. Мне не были известны все уловки служителей порядка, а потому ноги мои дрожали...

– Всё чисто! – эти слова заставили меня мысленно возликовать. Я был готов радостно захохотать в голос, но хватка на моей руке напомнила мне о том, что ничего-то я не свободен, вот я и забормотал:

– Я ни в чём не виновен, правда. Не надо меня удерживать, мне страшно. Я ни в чём не виновен.

Скуля так, я в очередной раз почувствовал, как по ще-

ке прочертила дорожку слеза. Мне действительно было себя жалко. И мне действительно было страшно за свою жизнь.

– Пока да, пока я не нашёл доказательств вашей вины. Но не думайте, что вы свободны от подозрений, мистер Альберт.

Следователь отпустил меня и приказал своим людям покинуть мою комнатку. Но никакого облегчения я не испытал. Этот мужчина был прав. И встретившийся мне в парке Никола Тесла тоже был прав. Единожды попав под подозрение, я утратил всю свою свободу. Теперь, если бы хоть при каком-то правонарушении, всплыло моё имя, под меня копали бы и копали. Я стал подозреваемым номер один. За мной даже время от времени следили бы просто так. В моей комнатке чисто для профилактики могли то и дело устраивать обыск.

«Я окончательно лишился права свободы», – аж похолодел я от ужаса. И в этот момент я действительно не знал, чего боюсь больше: лишиться жизни или превратить её в такую же серую унылость, какой жили тысячи других людей.

Свободным я больше не был. Не иначе, моему руководству поступило относительно меня какое-то распоряжение, раз больше я нигде и ни на сколько не оставался один. Вслед за мной в туалет даже заходил кто-либо из сотрудников, но

при этом все делали вид, будто ничего такого в этом нет. Пожалуй, именно в эти дни я остро ощутил, насколько сильно мне не хватает друзей. Настоящий друг подошёл бы ко мне, постарался утешить. Он бы шепнул мне о том, какие тайные слухи относительно меня на работе витают. А так... так мне приходилось только догадываться по вскользь брошенным на меня взглядам, что там у этих людей в головах сидит.

Изменилось отношение ко мне и в магазинах.

– Простите, мистер, – в строгом тоне сказал кассир, – но вы должны выложить из своей корзины часть продуктов.

– Что? Почему? – округлил я глаза и невольно посмотрел на пару человек в очереди. Они стояли позади меня и после сказанного продавцом уставились на мою тележку с продуктами так, как будто бы я скинул в неё с полок магазина абсолютно всё.

– Ваш лимит ежедневных трат составляет двадцать единиц и семнадцать из них уже списаны.

«Три единицы? У меня осталось всего три единицы лимита?!» – округлил я глаза. Мой шок был таков, что я не смог даже произнести тоже самое вслух.

– Мистер, вам нужно выложить часть продуктов. В вашей корзине их лежит на двадцать семь единиц, а ваш суточный лимит составляет двадцать и...

– Я слышал! – в гневном тоне остановил я речь кассира.

Кровь во мне закипела ещё и потому, что именно с этим кассиром у меня была договорённость. Именно через покуп-

ки продуктов, которые я не совершал, мне удавалось получать свободные от контроля единицы лимита, что я тратил на собственные нужды. А теперь этот парень смотрел на меня, как на полное ничтожество.

– Пожалуйста, выложите часть продуктов, – уже более сурово потребовал он, и я с ненавистью уставился на него. Но он не опустил взгляда. Ему было прекрасно понятно, что не имею права на скандал. И в силу своей ситуации, и в силу личности, которую я сформировал перед обществом.

– Извините, – пришлось мне тихонечко буркнуть.

«Двадцать единиц. Почему у меня только двадцать единиц?» – при этом думал я.

Да такой лимит был только у нижайших слоёв общества, у самых, что ни на есть, неудачников! Тех, кто вообще никак не проявил себя за время учёбы и считался балластом. Тех, кого общество терпело только из соображений гуманности. И вот теперь я, человек имеющий сорок пять единиц лимита (при максимуме в восемьдесят) опустился до такого вот уровня.

Хотя я неистово злился, я всё же выложил из своей тележки практически всё, оставил только какие-то миниатюрные консервы. А там, оплатив их стоимость, я вышел из магазина. Находиться там мне больше было не по нутру. Моё желание побаловать себя едой, раз уж мне долгое время (а то и никогда больше) не придётся экономить ради покупки лишних вещей, не удалось воплотить в жизнь, и это всерьёз меня

расстроило. Но ещё важнее было разобраться в сложившейся ситуации, поэтому я подошёл к полицейскому терминалу и, приложив карту идентификации личности, сделал запрос.

– Твари, – тишайше ругнулся я, едва получил информацию.

Оказывается, мне всё-таки вклеили штраф за «убежище». Также, мне вменили в обязанность оплачивать работу полиции, за то, что эти негодяи рылись в моём собственном доме. И да, это было законно. Раз правонарушение всё же нашлось (речь шла про незаконное расширение жилплощади), то оплачивать труд этих людей в погонах обязан был именно я.

«Минус двадцать пять кредитов на последующие восемь лет», – угрюмо пялился я на экран и думал. Думал о том, а хочу ли я так просадить лучшие годы своей жизни. Двадцати кредитов, конечно, было достаточно, чтобы не умереть с голоду, но мне пришлось бы переехать из своей хорошенькой индивидуальной комнаты в общежитие. Мне пришлось бы на целых восемь лет забыть про то, что питьевую воду я могу взять просто из-под крана, про то, что я смогу хотя бы ненадолго спрятаться от других людей. Я больше не смог бы жить так, как мне хотелось.

Нет, я и до этого не мог жить так, как хотел, но меня и все решили превратить в какую-то марионетку. В существо, абсолютно лишённое права на личность.

Я неподвижно стоял и смотрел на экран с минут пять. Я

не мог даже пошевелиться, такой ужас меня охватил. Даже смерть неспособна была бы лишить меня всего того, чего намеренно лишали меня самые обычные люди. И в тот момент мне подумалось: «Да почему я должен жить в обществе, которое нисколько не заботится обо мне?».

Я понял, что хочу жить сам. Хочу дышать полной грудью, хочу носить, что хочу, дружить с людьми и не думать, чем это для меня обернётся. Я понял, что либо так, либо смерть. И это во многом лишило меня страха. Уверенным движением я отключил терминал и отошёл от него. Ноги при этом сами собой понесли меня к такси.

– Единица лимита, – строго предупредил меня о цене проезда водитель, и его взгляд выразил осуждение.

– Знаю, но я был здесь в гостях и теперь на работу опаздываю. Благо общества выше, – пришлось солгать мне, отчего я использую быстроходный транспорт.

Взгляд водителя перестал быть таким суровым. Он уставился на дорогу, нажал на педаль. Машина двинулась и очень быстро. Дома так и мелькали, но мне было всё равно, что там за окном. Мне было всё равно, что далеко позади остался тот район, где я родился, работал, жил. Меня несло в самый центр мегаполиса.

– Мы приехали.

– Это район Голливуда? – на всякий случай уточнил я, так как ожидал увидеть что-то яркое и броское, а не те же самые дома, что стояли в моём районе.

– Да.

Водитель удивился, но я не сразу понял отчего. Лишь позже, когда я вышел из такси, мне довелось вспомнить, что лгал-то я про работу. Странно, конечно, не узнать места, мимо которых ходишь изо дня в день.

«Ладно, такое ещё не повод доносить», – постарался я успокоить себя и посмотрел на небо.

Как и везде, оно было видно только через стеклянные квадраты защитного купола, но солнечные лучи всё равно проникали внутрь города. Они упали на мои руки и немного начали жечь кожу. Опасное излучение не проходило сквозь специальное стекло полностью, но всё равно оно давало о себе знать. Всё же, этот мир являлся чужим для человечества. Люди испокон веков жили на планете дальше от солнца, а поэтому здесь было жарче. Природа агрессивно вела себя. Но другого мира я не знал, мне довелось родиться уже здесь и в самое странное время. Тогда, когда ужасы и страдания первых поселенцев остались в прошлом, и тогда, когда научные достижения ещё не адаптировали генетику людей к окружающему нас миру. Я родился не там, ни сям, а потому и ощущал себя также. И всё же, мне хотелось стать кем-то, а потому, унимая глубокий внутренний страх, я отвёл взгляд от небесного купола и уставился на дом перед собой.

До адреса, который мне назвал Никола Тесла, нужно было ещё дойти, но я на это и рассчитывал. Сперва мне нужно было убедиться в отсутствии слезки.

Глава 3.

«Двадцать, двадцать два, двадцать четыре», – считал я дома, пока не увидел табличку с номером двадцать шесть.

Это было ничем не примечательное здание. Оно было точь-точь таким же, как и прочие дома на этой улице – серо-белое и с деревьями в бетонных клумбах у входа. Но стоя возле него я ощущал бегущий по спине пот. Мне было жутко довериться Николе Тесла, номер которого я давно позабыл.

Мои пальцы нажали на кнопку звонка, и послышался резкий дребезжащий звук. Он был непривычным и до ужаса неприятным, а потому я молниеносно отдернул палец и, часто дыша, заозирался вокруг. Мне почудилось, будто я привлёк к себе внимание всех и вся, но немногочисленные прохожие на улице неспешно брели по своим делам. Никто не повернулся в мою сторону, но уверенности мне это не придало. Звук звонка был таким громким и мерзким, что мне потребовалось с две минуты, чтобы снова приложить палец к кнопке.

«Да меня сейчас схватят! Это какой-то полицейский сигнал! Ещё пять секунд и надо убираться отсюда», – был я на грани паники, а потому втайне мечтал, что никто-то мне не откроет, что вот-вот я вернусь к привычной для себя жизни. Я совершал поступок, а глупо надеялся, что он ни к чему не

приведёт. Это было ребячество какое-то, право слово. И всё же толково укорить себя за мысли я не успел. Стоило моему пальцу перестать давить на кнопку, как почти сразу дверь открыл старик. Он смерил меня рассеянным взглядом и, не говоря ни слова, сделал шаг в сторону, чтобы дать мне войти внутрь.

– Я Альберт Эйнштейн, – посчитал нужным всё же представиться я.

– Знаю. Номер семь тысяч пятьсот сорок один.

– Откуда вы это знаете?

Мною овладело удивление, я не ждал такой осведомлённости. А старик вместо ответа ухмыльнулся и сделал приглашающий жест. Кляня себя за безрассудство, мне пришлось переступить порог дома номер двадцать шесть.

Гостиная была ничем не примечательна. Она оказалась совсем крошечной, и в ней стояли только дозволенные вещи, причём самых скучных из приемлемых расцветок. Моему взгляду не на чем было здесь задержаться, но долго находиться в этом помещении мне не довелось. Старик повёл меня куда-то вглубь дома.

– Эм-м, я впервые вижу человека вашего возраста, – желая нарушить давящую тишину, сказал я. – Вам, наверное, довелось на хорошей работе трудиться, и вы много сэкономили, раз дожили до своих лет.

– Нет, – ненадолго посмотрел на меня старик с усмешкой. – Я был сотрудником столовой и уж точно экономить

на себе не желал.

– Но... но как тогда? – для меня было тяжело сформулировать вопрос так, чтобы он звучал корректно, но моё бормотание старика развеселило. Он хохотнул:

– Ха, всё возможно, когда ты уже не часть системы.

– Как это не часть системы? – мне не впервые доводилось слышать это словосочетание, но я никак не мог понять, что именно под ним подразумевается. Ведь без системы жить было нельзя. Как иначе работать, получать ежедневные единицы лимита, жить?

– Сам узнаешь.

С этими словами старик остановился у внешне ничем непримечательной стены и что-то негромко шепнул, поднеся руку ко рту. Я не расслышал что, меня куда как больше занимало, откуда на запястье этого старика могут быть столь красивые часы. Мне жуть как захотелось такие же. А затем я вздрогнул, так как стеновая панель отъехала в сторону.

– Это лифт, заходи.

Я сделал неуверенный шаг вперёд. Лифт меня немного напугал, так как внутри его кабины было слишком роскошно: золотого цвета перила, паркетный пол, а стены сплошь огромные зеркала. До этого мне не доводилось ничего такого видеть.

– Не бойся, этот лифт полностью безопасен.

– А вы? – уставился я на старика. – Разве вы не войдёте?

– Позже, сынок. Сперва мне нужно удостовериться, что

ты не приведёшь за собой в Рай кого-либо ненужного.

– Рай? Там будет действительно Рай? – уставился я на зеркальный потолок, но увидел лишь себя и свою перепуганную рожу.

– Да, Рай. Но я зову его Домом Свободы.

С этими словами старик нажал на кнопку спуска. Створки тут начали закрываться, а я стиснул зубы и аж до боли вцепился пальцами в перила. Мне было страшно ещё и от того, что я ошибся – лифт поехал не наверх, а вниз. И о, каким же долгим был этот спуск! Он занял столько времени, что я всерьёз обеспокоился. Мне уже стало чудиться, будто из этого лифта я никогда не выйду, но тут кабина замерла. Затем что-то звенькнуло, и створки начали открываться.

«Нет!» – мысленно закричал я, и от страха зажмурил глаза.

Мне было понятно – чтобы я сейчас ни увидел, а моей прошлой жизни пришёл конец. Действительно ли передо мной окажется Дом Свободы или же это хитроумная ловушка службы порядка, итог был бы почти один и тот же. Альберт Эйнштейн семь тысяч пятьсот сорок один прекратил бы своё существование.

Наверное, я бы стоял с закрытыми глазами долго. Очень долго, но тут до моего слуха донеслось чарующее пение – такое, какое я слышал только на исторических записях. Курс старшей школы включал в себя историю искусств и музыки в том числе, и, хотя в классе мы должны были выражать своё

неодобрение тратой ресурсов на эстетику, я на всю жизнь пронёс в себе очарование пением.

Не знаю, как это описать словами. Я не слышал ни музыки, ни песен более десяти лет, а тут... Это было неожиданно настолько, что я сперва открыл от удивления рот, а затем и веки. Пение не прекратилось. А зрение, хотя вновь вернулось ко мне, лишало пола под ногами. Честное слово, я смотрел по сторонам, делал вперёд шаг за шагом, но никак не мог поверить в то, что слышу и вижу. Вокруг меня была богатая обстановка старой эпохи – резные кресла, расшитые гобелены, картины в позолоченных рамах, на столиках стояли декоративные статуэтки, а под моими ногами оказался самый настоящий ковёр!

– Это... это чудо, – прошептал я, когда встал на колени и погладил мягкий густой ворс ковра руками. Мне тут же хотелось смеяться, как ребёнку. Я стал свидетелем того, чего просто не могло быть, а потому я сначала тихо, а там и достаточно громко рассмеялся. Вот только мой смех заглушал пение, а потому я испуганно прикрыл рот ладонью и вновь встал на ноги. Затем я прислушался, постарался понять, откуда доносятся божественно прекрасные звуки.

Неторопливым шагом я подошёл к расшитой золотом шторе. Музыка доносилась с другой её стороны, а потому я подрагивающей рукой отодвинул штору в сторону. При этом внутренне я был к тому, что увижу направленное на меня дуло оружия, но, к счастью, мои опасения не оправдались.

Проклятье, даже мои тайные надежды превратились в прах!

От увиденного я выпучил глаза и снова открыл от удивления рот. Мне довелось оказаться в каком-то огромном и полном столиков зале, главным украшением которого была яркая сцена. На этой сцене играли на настоящих музыкальных инструментах настоящие музыканты, а роскошная блондинка в сверкающем платье пела блюз.

– Неужели, – не веря в увиденное, дотронулся я до ближайшего из мужчин в расшитом серебром фраке и цилиндре, – неужели это не голограмма? Всё настоящее?

Мужчина не успел ответить мне. Он только радостно приподнял уголки губ, намереваясь что-то сказать, как вдруг кто-то другой громко воскликнул:

– Да, Альберт, это всё жизнь! Настоящая жизнь!

Музыка и пение вмиг прекратились, а я во все глаза уставился на узнавшего меня человека. Для меня было странным, что кому-то я мог быть здесь известен, да и выглядел этот мужчина так, что я сразу не признал его.

– Это же вы, – наконец, ошарашенно произнёс я. – Вы тот самый Никола Тесла, что разговаривал со мной в парке. Это вы дали мне этот адрес.

– Бери выше, – подмигнул мне он. – Я дал тебе новую жизнь.

Новая жизнь. Другая. Такая, какая могла быть только в прошлом. Мне даже захотелось себя ущипнуть, чтобы про-

верить не сплю ли я. А Никола Тесла тем временем приветственно раскинул руки и зашагал мне навстречу. При этом все присутствующие (а это аж под сотню человек разного пола и возраста) начали с любопытством рассматривать меня, и я тут же ощутил неловкость. Они все были такие нарядные, такие необычные, а я... я в своей униформе программиста выглядел, как какая-то блёклая тень.

«Какое же я убожество на их фоне!» – стало противно мне, так как даже одутловатый и плешивый Никола Тесла в настоящий момент выглядел куда как лучше.

– Эй, красавчик, не дрейфь! Ты наконец-то среди своих, – вдруг прозвучал со сцены нежный голос, и прекрасная певица послала в мою сторону воздушный поцелуй.

Право, я аж покраснел до корней волос. Женщины нечасто выражали мне свою симпатию, и, уж тем более, эта симпатия не выражалась так ярко. Самое вольное, что я слышал, это был вопрос про то, есть ли у меня пара. И да, это было той ещё вольностью. Всё-таки с момента переселения на эту планету над созданием союзов трудился свой распределительный центр, случайные связи облагались серьёзным штрафом. Я был шокирован (приятно шокирован) посланным мне воздушным поцелуем, а тут ещё и Никола Тесла заключил меня в объятия и дружески похлопал по спине. Я аж оторопел. Подобное не было нормой поведения в наше время.

– Я же... – замямлил я первое, что пришло мне в голову. –

Я же не такой нарядный и...

– Альберт, прекращай, – с задором произнёс Никола Тесла. – У нас здесь принято встречать новичков максимально дружелюбно. Я и все остальные искренне рады, что ты решил присоединиться к нам – к людям Свободы... Эй, Ретт Батлер! Налей-ка нашему новому другу приветственный коктейль. Что-то уж очень он напряжён.

– Ретт Батлер? – поразился я. – Но ведь такого имени не существует.

– Этим и хороша свобода. Ты можешь выбрать всё, что хочешь. Даже имя.

– Но... Но как?

Я не был готов к тому, чтобы мои тайные мечты вдруг начали происходить наяву. Да и, смешно говорить, реальность оказалась круче моих самых фантастических слов. Мне такая роскошь, такое доброжелательное отношение посторонних никогда не снились. И, кажется, Никола Тесла меня понимал. Он ободряюще приобнял меня одной рукой за плечи и, то и дело представляя присутствующим, повёл меня ближе к сцене. Я ничему не сопротивлялся, просто смотрел на всё во все глаза. А там, какой-то усач в оранжевых лакированных туфлях сунул мне в руки стакан со странной бурой жидкостью.

– Это тебе от меня, от Ретта Батлера.

– Спасибо, – промямлил я.

– Пей, пей давай.

Сперва я понюхал напиток. Он необычно пах – и приятно, и неприятно одновременно. И вкус у него оказался таким же. Сладость смешивалась с какой-то горечью и пузырьками, но было интересно. А ещё от выпитого у меня немного закружилась голова, и улыбаться мне захотелось во весь рот. Собственно, я и улыбался так по-детски открыто, когда Никола Тесла затащил меня на сцену. Блондинка-певица при этом подошла к нам и встала по другую сторону от меня. Её ладонь мягко опустилась на моё плечо, и всё моё тело словно электричеством пронзило. Эта девушка была такая красивая, такая необычная. А ещё она так приятно пахла! Да, я не понял, что именно за аромат от неё исходил, но он очень напомнил то, что однажды на чёрном рынке мне предлагали приобрести как духи. Эта бутылочка с жидкостью пахла похоже и называлась...

«Она называлась магия», – припомнил я и едва не рассмеялся в голос. Мне казалось, что именно магия вокруг меня происходит. Всё было лучше, чем в моих самых смелых мечтах!

– Мы сообщество тех, кто выбирает другой путь, – обводя рукой зал, громко сказал Никола Тесла. – Мы выбираем жизнь, а не существование. Мы позволяем себе быть людьми от и до. Мы наслаждаемся и обладаем!

– Наслаждаемся и обладаем! – радостно подтвердил хор голосов.

– Да, именно так. И мы не признаём никакого стыда в том,

чтобы следовать своей природе. А ты, ты хочешь это всё?

Я следил за тем, как Тесла обводит рукой невероятно прекрасный зал. Вокруг меня была роскошь. Исключительная роскошь. А ещё вокруг меня были улыбающиеся люди, ведущие себя так раскрепощённо, так свободно. Как же я хотел жить также!

– Хочу. Очень хочу.

– Тогда мы принимаем тебя!

Все начали громко аплодировать, как будто я сказал или сделал что-то очень значимое. Мне поведение этих людей показалось странным. И всё же внутри меня разгорелось пожаром счастье. Я ощутил восторг, а потому сам себе захлопал в ладоши.

– Вот так-то, – тихо похвалил меня Никола Тесла, после чего куда как громче сказал: – А сейчас мы продолжаем нашу развлекательную программу!

Музыканты вновь начали играть музыку. Певица-блондинка подмигнула мне и, убрав руку с моего плеча, подошла к микрофону. Я смотрел на неё с тоской и сожалением, я бы хотел стоять рядом с такой женщиной вечно, но Никола Тесла уже начал уводить меня со сцены.

– И куда мы? – спросил я. Я бы с удовольствием сел за один из столиков перед сценой, но там все места были заняты.

– Пойдём к бару. Сегодня я тебя угощаю, смелость ты проявил изрядную.

– Разве?

– Да, Альберт. Знал бы ты скольких ребят я зову к нам, но... либо для них уже становится слишком поздно искать спасения, либо они так и не решаются спасти себя сами.

Тут он похлопал меня по плечу и сел на высокий табурет возле барной стойки. Я поступил также, только сперва посмотрел на огромное количество самых разнообразных бокалов и бутылок. Их было так много и такими яркими были их этикетки, что протирающий полотенцем стакан Ретт Батлер не сразу привлёк моё внимание. Кажется, он был здесь барменом. Барменом в самом странном баре, что я видел.

– Мне витаминизированную воду без вкуса, – решил я сделать заказ и испугался, так как Никола Тесла и Ретт Батлер дружно захохотали. Их смех резал по моим ушам. Мне было не понятно, что я сделал не так, над чем они насмеются.

– О, Альберт, – наконец, заговорил Никола Тесла. – Хватит играть в законопослушного мальчика, у нас это не ценится. В конце концов, сегодня ты проявил мужскую смелость, а потому... Хм, а угощу-ка я тебя виски с колой. Чес-слово, ты заслужил мужской напиток.

– Эм-м, виски? Это же что-то спиртное, – пролепетал я, так как не был до конца уверен в том, что же такое виски.

– И? – хохотнул Ретт Батлер. – Парень, я уже давал тебе виски с колой и что-то не видно, чтобы тебе не понравилось.

«Так это бурое было виски? Я пил алкоголь?» – обомлел

я так, что аж позеленел от страха.

– Зачем вы так со мной? – обиделся я и, едва не плача, запричитал. – Если алкоголь не успеет покинуть мой организм к утру, мне конец. Что вы наделали? Что? На работе меня каждый день проверяют, а ведь за мной ещё и слежка. Служба порядка охотится за мной.

Я был на грани паники. Мне казалось, что меня подставили, вытерли об меня ноги. Но Никола Тесла вновь дружески обнял меня и утешил:

– Ну-ну, нашёл из-за чего расстраиваться. Такого с тобой больше не будет.

– Как не будет?

– Ну кто? Ну какая служба порядка будет искать того, кого больше не существует?

– В смысле? – не понимал я ход его логики. – Следовательно, он же запомнил меня. Раз обыскивать меня пришёл тот же самый человек, что вёл допрос, то он меня запомнил.

Лицо моего собеседника вдруг стало предельно серьёзным. Ретт Батлер тоже прекратил протирать стакан и посмотрел на меня с настороженностью.

– Это важный нюанс, ты молодец, что о нём рассказал. Но, – тут Никола Тесла снова мягко улыбнулся, – бояться тебе больше нечего. Приветственный коктейль, что дал тебе наш бармен, та ещё ловкая штука. Он способствует безопасному выведению из организма идентификатора личности. Эта дрянь уже перестала работать, и совсем скоро окон-

чательно покинет твоё тело. Понимаешь, Альберт, всё. Ты перестал существовать для системы.

– Но... Как же мне тогда жить?

– Так же, как живут все здесь. Свободно.

– Здесь? – задумался я. – Я здесь заперт? Теперь мне не вернуться на поверхность, да?

Не сказать, чтобы я не был готов к тому, чтобы променять роскошную жизнь в подземелье на нищету бытия под куполом, но я столь долго доказывал своему лечащему доктору свой диагноз, что во многом притворство стало моей сутью. Невольно я действовал так, как положено больному человеку, и это был один из таких моментов.

– Вот глупый, – потрепал меня по волосам Никола Тесла. – Альберт, все мы бываем на поверхности и очень часто. Просто притворяемся другими. Это необходимо, чтобы нас здесь полиция не нашла и не трогала.

– А почему здесь всё иначе? Почему здесь можно наслаждаться всеми благами прошлого и ничего не делать, а на поверхности нет?

– Альберт, а вот такого я не говорил, – шутливо погрозил пальцем Никола Тесла. – Просто ты пришёл в место, где принято отдыхать, вот мы и отдыхаем. Так-то и здесь работа есть. Самая важная работа.

– Это же какая? – искренне удивился я, так как с детского сада всем людям внушали, что важной и неважной работы не существует, любая работа – это благо всего общества.

– Мы забираем то, что общество производит, и распределяем всё это между собой. Это пусть там, наверху, все, кто этого желает, ограничивают себя во всём. Мы-то выбрали для себя путь свободы. А любой свободный человек достоин того, чтобы жить так, как желает. Если ты чего-то захотел, то можешь это взять. Согласен?

– Да, – подумав, ответил я, а затем рассмеялся и подтвердил: – Да!

После этого я выпил свой напиток до дна. Голова у меня тут же закружилась ещё больше, а ноги стали ватными, но, в принципе, состояние мне понравилось. Я даже не ощутил боли и страха, когда закашлялся и выплюнул на салфетку покрытую кровью капсулу идентификации. Я был счастлив. Мне ведь дали пиджак из яркой клетчатой ткани, чёрную шляпу и ярко-красные туфли. Когда я всё это надел, то стал похожим на прочих и, может быть, даже красивее их, так как певица-блондинка по имени Мэрилин Монро оказалась без ума от меня. Она повисла на моей шее и, щебеча глупости, увлекла в свою комнатку. Там мы долго рассматривали её коллекцию миниатюрных розовых свинок из фарфора, а потом я и сам не понял, как поцеловал её. Но ей это очень понравилось.

Это всё было так странно. Так притягательно. И, самое важное, я наконец-то почувствовал себя другим. Наверное, я ощутил себя взрослым.

Глава 4.

Я прожил в Раю несколько суток, но не знал, сколько именно точно. Пожалуй, прошло что-то около недели. Моя неуверенность проистекала из того, что Рай являлся огромным подземным многоярусным пространством и здесь не было смены дня и ночи. Все ориентировались только на часы, а мне на них глядеть необходимости не было. Пусть кто-то был занят бурной общественно полезной деятельностью, я-то проводил всё своё время подле Мэрилин или, другими словами, сидел в кабаре, которое самым первым увидел здесь. А заведение это работало без перебоя. Всё же работающие в разные смены люди хотели в разное время отдыхать.

Отчего мне так и не пришло в голову осмотреться? Мне помешала влюблённость. В своём желании быть ближе к Мэрилин, я не вылезал из кабаре. Мне хотелось смотреть на эту девушку, восхищаться ей. В результате вокруг меня царил бесконечный праздник: люди танцевали, пили алкоголь, никого не стесняясь целовались. Вокруг меня бурлила самая настоящая свобода! Но, главное, я начал ощущать себя властелином этого места. Я ходил хозяином между столиков и даже порой помогал Ретту с напитками. Прочим это нравилось. Они приветственно махали мне, зазывали подсесть к ним и поболтать. А я мог себе это позволить, ибо ничем во-

обще занят не был, и потому в тысячный раз пересказывал свою историю прибытия сюда и после добавлял как же мне повезло и какая удача, что я встретил здесь свою Мэрилин. Я всем говорил, что она самая лучшая девушка на свете, я буквально кричал об этом каждому встреченному мной человеку. Мэрилин в благодарность периодически посылала мне со сцены воздушные поцелуи.

– Эй, Альберт.

Я уже порядком отвык от имени, что для меня выбрал компьютер, а потому обернулся отнюдь не быстро. Я начал забывать, что когда-то я был Альбертом Эйнштейном, но, когда я обернулся, широкая искренняя улыбка тут же возникла на моём лице.

– Никола Тесла! – обрадовался я да так, что сам обнял нескладного одутловатого мужчину.

– Да, тоже рад нашей встрече, – похлопал он меня по спине и отстранился, чтобы осмотреть меня с ног до головы. – Ого, как же ты изменился. Стал выглядеть как совершенно свободный человек.

– Я даже другое имя себе взял. Теперь я Дэвид! – воскликнул я с восторгом и тут же поразился. – А ты? Ты чего себе новое имя не берёшь?

– Ну, – дружески хохотнул мой собеседник, – так мне проще помнить из какой трясины мне однажды повезло выползти. Так мне проще быть благодарным.

При этих словах Никола Тесла так многозначительно на

меня посмотрел, что по моей спине отчего-то пробежал холодок. Но зазвучавшая музыка и голос Мэрилин сняли с меня неприятное наваждение.

– Я и так благодарен, – сообщил я. – Я так тебе благодарен, что... Эй, а давай-ка пойдём и выпьем? Я попрошу Ретта налить тебе чего-нибудь особенного.

– погоди, Дэвид, – остановил он меня с усмешкой. – Давай сперва поговорим. Я ведь пришёл, чтобы сообщить тебе кое-что важное.

– Важное? – не понял я, а затем так и ужаснулся. – Следователь? Следователь всё же докапывается, где я?

– Нет, с ним всё получилось уладить. Поэтому я хочу поговорить о тебе и твоей легкомысленности.

Неволью я нахмурился. В легкомысленности меня уже очень давно не упрекали и уж тем более было странно слышать порицание в таком месте. Я даже напрягся, но Николу Теслу это, кажется, устроило.

– Понимаешь, Дэвид, пора бы тебе обзавестись своими вещами. Мы подарили тебе новую жизнь, а вместе с ней новую одежду, новое имя. Ты хорошо развлёкся. Так, как и полагается новичкам. Но твой лимит на вседозволенность вышел.

– А? – мне даже показалось, что я ослышался.

– Дэвид, у нас здесь не принято, чтобы всё общее. Если ты чего-то хочешь, так заработай и купи это. Понимаешь? – я ничего не понял, но кивнул головой. – Вот, молодец. В Раю много всего. Но, чтобы быть счастливым жителем Рая, тебе

нужны деньги. Без них не купить всё, что душа желает.

– То есть, – начало до меня доходить, – пока мне всё давали бесплатно, но это не так.

– Правильно, Дэвид. Мы показали тебе как хорошо быть богачом в Раю, но ты пока ещё не богач. Ты ещё ничего не заработал и ничего не приобрёл. У тебя даже своего жилья нет.

– А зачем мне своё жильё? Я живу с Мэрилин, нам хорошо вместе.

Я не раз видел, как другие мужчины оказывают моей девушке знаки внимания, а потому никуда не хотел съезжать из комнатки, где стояла коллекция миниатюрных фарфоровых свинок. Собственно, я уже начал считать эту комнатку своей.

– Дэвид, не нужно мыслить так, как тебя приучила мыслить система, – между тем осуждающе покачал головой Никола Тесла. – Здесь каждый человек свободен. Каждый имеет право выбирать самостоятельно, а потому да, ты и Мэрилин пока обладаете друг другом. Но если одному из вас надоест, то куда ты пойдёшь? Это ведь не поверхность, здесь пары образуются по обоюдному желанию и не на всю жизнь.

– Мы никогда не устанем друг от друга.

– Я просто предполагаю. Чес-слово, Дэвид, я буду счастлив, если у вас с Мэрилин всё настолько удачно сложится. Но это рационально иметь своё жильё про запас.

– Жильё... жильё про запас? – не поверил я ушам.

Там, наверху, свою недвижимость иметь разрешалось, но для её получения следовало не только хорошо зарабатывать, но и иметь показания к отдельному проживанию. Например, оформление брачного союза позволяло переезд из общежития без последствий со стороны властей. Но я боялся риска совместного проживания, а потому долго думал и, в конце концов, доказал наличие у себя тревожно-фобического расстройства.

– Своя комната, а то и отдельная квартира, лишней же не будет? – подмигнул мне Никола Тесла, и я вмиг почувствовал, как во мне загорелся огонь желания. Мне захотелось иметь свою комнату (нет, отдельную квартиру) аж до колик в животе! А потому я незамедлительно заинтересовался вопросом её получения и с восторгом осведомился:

– А как мне её получить?

– Деньги решают всё. Ведь здесь нет разгильдяев, Дэвид, все мы здесь работаем. Так что вот, – он вручил мне карточку. – Сходи в центр распределения обязанностей, там тебе подыщут работу по твоим требованиям.

– Как это по моим требованиям? – поразился я. – Не по моим способностям?

– Нет, именно по твоим требованиям. Я знаю, что ты хороший программист, но ты не обязан работать им здесь. Привычное для тебя распределение системы в Раю не работает. Теперь ты решаешь за себя сам. Ты можешь пойти на работу попроще, мало трудиться, но и... мало зарабатывать, – с

грустным вздохом развёл руками Никола Тесла. – Чем более ответственная у тебя работа, чем больше ты трудишься, тем больше ты получаешь денег. А деньги – это не ежедневный лимит поверхности. Здесь на деньги ты можешь позволить себе абсолютно всё.

– Звучит честно, – подумав, решил я.

– Так всё честно и есть, – уверил меня мой собеседник. – Это экономика, Дэвид. Нормальная рыночная экономика, а не...

Тут Никола Тесла с брезгливостью махнул рукой, и я понимающе кивнул в ответ. Дело в том, что мне доводилось слышать понятие «рыночная экономика» в школе, но я тогда плохо понял его. Это было что-то неинтересное.

– А что мне лучше выбрать? – пришло мне в голову получить более важное разъяснение. – Что лучше: деньги или мало трудиться?

– Это каждый для себя решает, конечно, но я бы выбрал деньги, – прозвучал уверенный ответ. – Без денег веселиться так, как сейчас, ты уже не сможешь. Даже за вход в это кабаре тебе придётся платить.

– Правда? – округлил я глаза.

– Развлечения тоже стоят денег. Так что да, мой совет тебе – продолжай работать в том, в чём разбираешься.

Разговор наложил на моё хорошее настроение тень, и, наверное, со стороны это было заметно. Я постеснялся подойти к Ретту и привычно попросить для себя коктейль. Даже

к компании знакомых за столик я решил не подсаживаться. Невольно память нашёптывала мне, сколько я здесь уже съел и выпил, сколько я просадил средств, которые шли из общественного блага... О да, я жил словно совсем в другом мире, но то и дело мыслил так, как меня приучили мыслить в детстве. И оттого с неуверенностью заговорил с Мэрилин, когда мы вернулись в её комнатку.

Вернее, это она со мной заговорила.

– Что с тобой сегодня, Дэвид? Ты отчего такой молчаливый? Я столько всего тебе рассказала, а ты... Ты отчего-то меня никакими новыми слухами не порадовал.

– Мне было не до того сегодня.

– Почему, душечка?

– Ко мне подошёл Никола Тесла, – решил сознаться я, – и он сказал, что теперь я должен работать. Ну, чтобы жить так, как мне понравилось.

– Он совершенно прав, – трепетно прижалась ко мне Мэрилин.

– А почему ты мне об этом раньше не рассказывала?

– А зачем? – удивилась она, прежде чем грустно вздохнула. – Дэвид, я люблю естественные ухаживания мужчин. Ты приносил мне коктейли, нисколько не думая о деньгах, и это было заметно. Ты хотел, чтобы я радовалась, вот я и была счастлива, – её губы нежно скользнули по моим губам, прежде чем она прошептала: – Мне будет очень неприятно, если ты начнёшь считать траты на свою девушку.

– Не буду. И мне для тебя ничего не жалко. Я даже думаю, что смогу достаточно зарабатывать для нас двоих.

Мэрилин мои слова понравились. Это было видно по её довольному взгляду, по тому, как жарко она начала меня целовать. И да, я был в восторге от того, что произошло между нами после. А потому в центр распределения обязанностей я пришёл с чётким пониманием того, чего хочу. Я знал, что не собираюсь отказываться от радостей жизни ради ленивого ничего не делания. Мне хотелось жить по полной и так, чтобы ни я, ни Мэрилин ни в чём не нуждались. Восхищение в её взгляде я не хотел терять.

– Хм, – произнёс сотрудник распределительного центра. – Вы в хорошей физической форме и отличный программист. Пожалуй, вам очень повезло. Нечасто новички получают такой высокий старт.

Мне было приятно получить высокую оценку. Моя спина незамедлительно распрямилась, в глазах возник огонёк азарта. По согласованию с Мэрилин было решено с первой моей зарплаты купить нам одежду из одинаковой сверкающей ткани, и, кажется, эта мечта имела все шансы стать реальностью.

«С ума сойти, – думал я. – Мне доведётся при всех носить не только что-то отличное от робы, но и по фасону только то, что хочу я!».

– О да, программа дала добро. Поздравляю, Дэвид, мне пришло дозволение определить вас в центр просвещения.

– В центр просвещения? – не совсем понял я. – А в чём будет состоять моя работа?

– Прежде всего, во всём следовать указания твоего непосредственного начальства...

Сотрудник распределительного центра начал что-то с улыбкой на лице пояснить, но я слушал его вполуха. Прозвучавшие знакомые обязанности лишили меня интереса, а первая зарплата и купленная на заказ одежда дальнейших вопросов и сомнений. Не знаю, как это произошло. То ли я ослеп от своего счастья с Мэрилин, то ли взаправду дураком сделался, но меня переполнял восторг от собственной возможности жить по полной, а всё остальное...

– Дэвид, ты показал себя очень хорошо на своей должности, – где-то месяца через три похвалил меня мой начальник.

– Спасибо.

– Ха, спасибо в карман не положишь.

– Угостить вас пивом в баре? – предложил я с улыбкой. Собственно, мой начальник мне нравился, он был хорошим человеком. Я был бы не прочь с ним подружиться.

– Не, мне больше нравится спорт. Хочешь, так после работы присоединяйся ко мне на поле второго сектора. Я и мои приятели там играем в футбол, но зачастую бывает, что не у всех игроков получается прийти. Просто про запас сидеть не будешь.

– Замётано! – обрадовался я, и моему начальнику мой энтузиазм понравился.

– Собственно, я не хочу, чтобы ты и у нас тут сидел про запас. Мне кажется, ты достоин большего, Дэвид. Ведь на что твоей зарплаты хватает? Только привести себя в приличный внешний вид.

Сказано было не в бровь, а в глаз. Помимо одежды и выпивки в баре со своей первой зарплаты я ничего не приобрёл, а средства на моём счету кончились аж за две недели до будущей выплаты. Мэрилин из-за этого поджала губы, но успокоила меня тем, что она, как любящая женщина, готова оказать мне поддержку. Так что прожили мы те четырнадцать дней за её счёт, но очень скромно. Будучи певицей, моя девушка зарабатывала гораздо меньше меня.

Вторая и третья зарплата разошлись не менее быстро, зато я смог покататься в огромном и стилизованный под океан бассейне, вволю наелся жареного мяса рептилий с вертела. Настоящее варварство! А ещё мы с Мэрилин сидели на уютном диване в комнатке, где на экране показывали такую интересную историю, что после мы пересмотрели её ещё три раза!

Но, увы, денег до конца месяца опять не хватило, а потому мой начальник был прав.

– Да, мне бы хотелось зарабатывать больше, – с грустным вздохом признался я.

– Так это возможно, Дэвид.

– Разве?

– Да, но тут всё от тебя самого зависит. Готов ли ты пере-

стать работать так, как работаешь сейчас? – проникательно посмотрел он на меня. – Для больших денег тебе придётся делать что-то, что может тебе не понравиться.

– Да и плевать, – заверил его я. – Мне очень нужны деньги.

– Тогда, устроим тебе повышение и новый испытательный срок, – подмигнул он мне и добавил. – Ах, да. Жду тебя через три часа на футбольном поле второго сектора.

Играть в футбол мне понравилось не только тем, что моё тело получило приятную физическую нагрузку. Я обзавёлся друзьями и компаньонами из разных слоёв общества, мой мир перестал крутиться только вокруг Мэрилин. Вместо того, чтобы провести свободное время с ней, я мог с ребятами пойти куда-то. Без неё. И, честно сказать, это наши отношения оживило. У нас появилось, что рассказать друг другу после работы. Да и денег на совместные развлечения у меня стало больше.

Право, я ощущал себя богачом! И, самое главное, не так много работы у меня прибавилось. Вместо банальной пропаганды Рая мне всего-то вменили в обязанность заниматься более активной деятельностью, и не могу сказать, чтобы она так уж била по моей совести. Я полностью впитал в себя объяснение, что не способна всплывающая вопреки защите реклама пробудить людей мегаполиса к жизни такой, какой

жили люди в Раю. Их внимание, их способность мыслить была погружена в глубочайший сон. Чтобы вывести их из него требовались более решительные действия.

Я был согласен с этим полностью. Настолько, что не особо-то дрожал, помогая в своём первом задании по взрыву вокзала. Я совершал благое дело, а заодно вовсю мечтал о том, что зарплаты мне наконец-то хватит до конца месяца! Да, для меня всё было проще некуда. Я не боялся нести добро через разрушение. Ведь что с того? Что с того, что оказался разрушен тот вокзал? Так я привлёк внимание к проблеме отсутствия полноценного права собственности наверху. Да-да, если бы у каждого могла быть своя машина, то никто бы не стоял в очередях на утренние поезда! А ведь произошёл взрыв на полчаса позже, в час-пик, то погибли бы люди.

Это первое дело было самым сложным для совести, но её укор всколыхнулся во мне и тут же исчез. Для меня всё было просто, так как окружающие одобрительно хлопали меня по плечу и твердили, что я правильно поступил. Мэрилин, когда я рассказал ей о своём дне, начала открыто мной восхищаться, а потому дальше всё пошло, как по накатанной. Лазерный автомат, что я таскал на случай встречи с охраной, пока так и не понадобился, но зато перестал оттягивать плечо. Активация бомб получалась у меня чисто машинально. Данные я вытаскивал из информационных центров на раз, два, три. А там (всего за какие-то полгода на новой должности!) я аж потерял счёт операциям, в которых мне довелось

поучаствовать. Да ведь и некогда мне было думать о них! Я стремился к своей Мэрилин, к своему любимому креслу, в котором так хорошо отдыхать с клубничной сигарой во рту. Я унизывал пальцы перстнями и наслаждался собственным богатством. Я мог купить и позволить себе всё!

Эта вселенная принадлежала мне.

Глава 5.

Джон-громила стал моим приятелем не сразу. Сначала этот великан относился ко мне с холодком, с пренебрежением, но регулярные совместные игры на футбольном поле постепенно изменили его отношение ко мне. А, может, так вышло из-за того, что мой начальник раз за разом хвалил меня перед всеми. Он то и дело упоминал какой важной и значимой деятельностью я занимаюсь, а потому я был горд собой. Лишь однажды мне довелось произвести неприятное впечатление на свою команду.

– А не пошли бы вы? – гневно воскликнул я, когда зазвучала очередная похвала.

И да, обычно похвала мне льстила, поднимала настроение, но... но не в настоящий момент. Всё дело в том, что, когда я отдыхал дома с Мэрилин, на экране вдруг возникли помехи и вместо привычного вещания Рая появились новости поверхности. Сюжет был коротким и до конца его досмотреть мне не удалось, трансляция прервалась, но даже этого короткого отрывка хватило, чтобы...

– Мэрилин, – бледными губами прошептал я. От шока меня аж затрясло. – Мэрилин, это же я вставил код в программу.

– Что? О чём ты, душечка? – отводя встревоженный

взгляд от экрана, спросила девушка.

– Эти дети... Эти дети погибли из-за меня. Это я вставил код в программу жизнеобеспечения сада, но... проклятье, дети же должны были уйти на прогулку! Никого внутри не должно было быть. Эта авария была нужна только для того, чтобы ремонтники сосредоточились на детском саду и упустили из внимания...

Тут я перестал трещать, так как столь тонкие подробности своей работы я не должен был никому не разглашать. Мэрилин даже то, что я уже ей сообщил, знать не полагалось. Просто я был так шокирован, так взбудоражен новостями.

– Душечка, – приблизилась ко мне встревожившаяся Мэрилин и, трепетно обняв, с нежностью поцеловала меня в щёку.

Лица своей девушки я не видел, но меня поразило то, какое сочувствие она способна испытывать. Её объятия были именно тем, что мне необходимо. Я уткнулся носом в её светлые волосы и испытал такое облегчение, что далеко не сразу смог предположить:

– Может, эти новости фальшивка? Если мы работаем против идеологии поверхности, то, наверняка, идёт такая же борьба против нас.

– Несомненно, Дэвид.

Сказав так, Мэрилин отодвинулась от меня, но её взгляд несколько не говорил о том, что она с моим предположением согласна. И то, как быстро она начала собираться на работу в

кабаре, заставило меня нервничать. Я ощущал, что хотя она меня ни в чём не обвиняет, я всё равно покрылся какой-то невидимой грязью, и оттого, когда пришёл на поле, не сдержался. Меня начали хвалить, вот я и разгневался.

– Дэвид, – недовольно покачал головой мой начальник. – Это информационная война. Так что не говори мне, что какой-то сфабрикованный ролик поколебал твою решимость и уверенность в нашем деле.

– Нет. Просто мне неприятно.

– Дать тебе отгул на неделю?

Я задумался, быть может, это действительно было бы хорошо. Вряд ли бы я хорошо выполнил следующее задание, колебался бы. Но что-то остановило меня от согласия. Сам не знаю что. Я хотел сказать «да», но вместо этого фыркнул с презрением:

– Пф-ф, вот ещё. Я пришёл в отдел работать и зарабатывать.

– Вот это правильная мысль, – опередив начальника, тут же похвалил меня Джон-громилла. – Оставь переживания слюнтяям и слабакам.

Слюнтяем и слабаком мне быть не хотелось, а потому я через силу улыбнулся и кивнул. При этом мысль, что это я виноват в гибели детей, так и не оставила меня. Однако, я смог сосредоточиться на игре, а там... там мне сделалось легче. Я поверил в то, что новости были обманом, стал жить своей прежней жизнью: работа, игра в футбол, вечера с Мэри-

лин, расслабление в кабаре. Всё это было намного приятнее нежели какие-то размышления. Мне наконец-то снова сделалось весело и спокойно. Я вновь ощущал себя едва ли не властелином мира.

Мне было очень, очень хорошо и оттого так болезненно неприятно обрушилась на мою голову суровая реальность.

Мои существенные неприятности начались с того, что в кабаре появился новенький. Сам я его прибытия не застал, но Мэрилин весь вечер трещала об этом без умолку. Все её разговоры сводились только к тому, как же нелепо выглядел этот Леонардо Да Винчи, как он стеснялся, как боялся посмотреть ей в глаза. И сперва мне было весело её щебетание слушать. Настолько, что на другие сутки я пошёл в кабаре поглядеть на этого самого новенького, но, в отличие от меня, он за столиками у сцены решил время не просаживать. Для него оказалось предпочтительнее на Рай посмотреть, вот мы и не столкнулись. Мэрилин этому, кстати, удивилась.

– Обычно, первые дня два-три новеньких из кабаре даже силой не вытащить, – обмолвилась она, прежде чем нервно хохотнула. – Да-а, такой репутации у нашего заведения не было ещё.

– Какой?

– Чтобы его так быстро покидали.

– А, так вот почему сегодня такое столпотворение, – осознал я.

– Конечно, душечка, – посмотрела она на меня как на идиота. – Не только ты такой умный, все пришли на новенького посмотреть. А он не явился. Фи, как невежливо.

Мэрилин своё «фи» сказала таким шутивным тоном, что я широко улыбнулся. А после начал привычно для себя веселиться. Ну, подумаешь я не застал какого-то чудилу с поверхности. Что с того? Я мигом вычеркнул его из памяти, но... но, оказывается, совершенно зря. Уже через пару дней я услышал от Мэрилин новую сплетню.

– Душечка, представляешь, – плотно закрыв за собой дверь и обняв меня, зашептала Мэрилин мне на ухо. – Этот новенький сегодня пришёл в кабаре, но...

– Что «но», малышка?

– Не знаю, можно ли делиться с тобой таким, – вдруг замялась Мэрилин, и я вмиг напрягся. На меня как будто ведро ледяной воды вылили, а потому я невольно отстранился, прежде чем сказал:

– Мэрилин, со мной ты можешь делиться всем. Абсолютно.

– Я не уверена, Дэвид, потому что твоя работа и ты сам, – тут она сделалась какой-то неприятно серьёзной, даже чужой. Однако, я не успел толком нахмуриться, как Мэрилин улыбнулась и чмокнула меня в губы. – Что за глупости, конечно, я могу во всём тебе доверять.

– Тогда отчего ты встревожилась?

– Понимаешь, Дэвид, он начал меня расспрашивать. Расспрашивать о том, можно ли наш Рай покинуть.

– Погоди. Этот тип сумасшедший, что ли? – выпучил глаза я и звонко захохотал так, что, пожалуй, все соседи услышали. Я хохотал едва не до слёз, а потому не сразу заметил, что лицо Мэрилин сделалось недовольным.

– Знаешь, а мне кажется, он тут единственный нормальный. И сообразительный. Уж, во всяком случае, сообразительнее тебя, раз ты смеёшься над тем, что я считаю серьёзной темой.

– Эй, детка, ты что, обиделась? – не смог понять я её реакцию, и она тут же мне привычно улыбнулась.

– Нет, Дэвид. На тебя я не могу обижаться, я же тебя люблю.

Её признание в любви уняло мою тревогу. Мы провели отличный вечер вдвоём. И на другие сутки всё повторилось. Вот только Мэрилин отчего-то то и дело с тоской на меня поглядывала, и мне показалось, что дело только в том, что мы меньше времени стали уделять друг другу. Я часто задерживался на службе ради дополнительной премии, да и свободные часы у нас не всегда совпадали.

– Завтра я уйду пораньше с работы и навещу тебя в кабаре, – стараясь реабилитироваться, пообещал я. – Мне так хочется на тебя смотреть, когда ты на сцене. Ты ведь такая красотка.

– Мне это приятно слышать, но... Знаешь, Дэвид, пока тебе лучше в кабаре не ходить.

– Почему? – поразился я.

– Душечка, дождись новой программы. Мне хочется, чтобы ты увидел меня на пике славы. Тогда, когда я спою несколько новых песен, тогда, когда я действительно буду во всей красе, – она тут же провела руками вдоль своего роскошного тела. – Кстати, ты понял намёк? Чтобы блистать с новым репертуаром мне нужны не только твои комплименты. Я хочу новое роскошное платье, ты мне так давно ничего не покупал из одежды.

– Виноват, Мэрилин, знаю, – признал я. – Но мне хочется накопить на собственную квартиру для нас. Я хочу, чтобы у нас с тобой была собственная кухня, своя ванная комната. Я не хочу делиться с соседями ничем.

– Выходит, пока я без подарков?

– Потерпи немного.

– Да уж, – тут же недовольно поморщилась моя девушка. – От тебя нет ни подарков, ни понимания того, чего я действительно хочу.

– Что? – не понял я. – Ты же мне только что сказала, что хочешь новое красивое платье. Так что я понимаю, что тебе нужно. Просто прошу немного подождать с развлечениями.

– Какой же ты болван! – отчего-то взорвалась она. Вместо милой и привычной для меня Мэрилин, я вдруг увидел какую-то злющую мегеру. – Ты реально думаешь, что все мои

мысли ограничиваются мечтами о новом платье?

– Ну, – кашлянул я в кулак. – О большем ты не говорила. А что касается квартиры, так я на неё коплю. Мэрилин, у нас будет своя квартира!

Я говорил с восторгом, так как всю предвкушал, как вот-вот пройдусь хозяином по своему собственному жилью. Однако, Мэрилин не особо смягчилась. Она всего-то посмотрела на меня с какой-то жалостью, прежде чем сказала:

– Знаешь, Дэвид, я прекрасно понимаю этого новенького.

– А? О чём ты? Причём здесь новенький?

– Да при том, что лично мне, чтобы прийти к тому, что он уже понял, понадобилось пять лет здесь прожить. А тебе, наверное, и жизни не хватит осознать – в этом Раю нет ни грамма свободы и счастья, одна только алчность.

– Мэрилин, что за бред ты несёшь? – удивился я и хотел поцеловать девушку, чтобы на лицо этой мрачной незнакомки вернулась привычная для меня улыбка. Но Мэрилин не позволила мне этого сделать. Она изящно увернулась от моих объятий и, намазав руки кремом, легла в постель. А я расстроился. Мне было обидно, но накопленная за день усталость не дала скандалу развиваться. Я лёг рядом со своей девушкой и, прежде чем смог выплеснуть своё недовольство словесно, крепко заснул. А утром Мэрилин уже не было рядом. Я не знал, куда она ушла, но не особо расстроился из-за этого. Мне виделось, что предстоящим вечером я устрою для неё какой-нибудь сюрприз и всё образуется.

Увы, сюрприз преподнесла мне она.

– Мэрилин? Да что ты такое говоришь?

– Да, Дэвид, да. На этом всё. Мне было хорошо с тобой, но наших отношений я больше не хочу. Душечка, мы и так были вместе почти год. Для меня это долго.

– Долго?

– Да, мне не нужны привязанности.

– Бред, какой бред! – гневно воскликнул я и предположил. – Это всё из-за этого новенького, да? Как его? Леонардо да Винчи?

– Он уже изменил имя. Теперь он Орк Свободы.

– Орк Свободы? – упёр я руки в бока, прежде чем всюду принялся ругаться. – Да что это за имя такое? Оно же вообще не существует!

– Ты забыл? – холодно посмотрели на меня прекрасные глаза. – Ты в Раю, а здесь каждый свободен настолько, насколько ему хватает средств. Здесь существует всё, что только хочет твоё воображение, главное – возможность купить.

– Но моё воображение хочет тебя, – в отчаянной попытке заставить передумать Мэрилин, я подошёл к ней вплотную и попробовал обнять, но она бессердечно оттолкнула меня.

– Дэвид, это всё. Уразумей уже. Поэтому завтра после работы заходи за своими вещами и на этом закончим каламбур между нами.

Её глаза сверкнули неподдельным гневом, а затем она подошла к входной двери и, сняв на кнопочной панели блоки-

ровку, открыла её. Меня просили уйти, но мне не было дано сделать это без унижений.

– Мэрилин, пожалуйста, у меня много денег. Я же коплю на квартиру для нас, на моём счёту уже целое состояние.

– Прекрасно. Значит, ты не станешь тянуть с тем, чтобы забрать от меня свои шмотки.

– Да я не про это. Мэрилин, хочешь, так могу перевести тебе абсолютно всё, только останься рядом.

– Ого, так ты меня купить вознамерился? – с предвкушением спросила она, и во мне проснулась надежда.

– Да. Давай я тебя куплю, а?

Её лицо тут же исказила злоба.

– Знаешь, не буду скрывать, что мне от тебя были нужны только деньги, но вот так, как в магазине, ты меня не получишь. Я человек, а людей не покупают, урод! Не всё в этом мире можно получить за деньги!

Она отчего-то разгневалась, раскричалась, начала выталкивать меня из своей комнаты силком, и настаивать вновь я не посмел. Я был поражён. Оказывается, во вселенной, которую я полноправно считал своей личной собственностью, у кого-то существовала иная точка зрения. Причём кардинально отличающаяся от моей. Это было несправедливо!

И что говорить дальше? Моя полоса удачи была слишком длинной, чтобы первое невезение не пустило мою судьбу под откос. Рок решил по полной отыграться за всё испытанное мною ранее счастье.

Уйдя от Мэрилин, я направился не на поиск жилья, а в бар, в котором ранее не бывал. Он располагался далековато, но сейчас мне было всё равно, вот ноги и понесли меня туда, где я раньше не был. Завсегдатае мне удивились, искоса посмотрели. Их можно было понять, в этом баре было всего восемь столиков, а, значит, здесь собирались исключительно хорошо знакомыми компаниями.

– Ха, выпить у нас можно, но свободных мест нет, – выслушав мой заказ, сказал грузный бармен, так не похожий на улыбчивого и изящного Ретта Батлера.

– А и плевать, – решил я. – Мне главное выпить чего покрепче. Поэтому держи, – вывалил я из кармана смятые бумажки наличных, – напиток я могу даже стоя. Даже сидя на полу.

– Да ну, шутишь, что ли?

– Я не шучу, – грозно уставился я на него, прежде чем потребовал. – Налей мне, или я тебе морду набью.

Возможно, говори я громче, музыка бы уже перестала играть и меня бы выставили вон. Но говорил я намного тише, чем звучала доносящаяся из динамиков песня. Пожалуй, один бармен меня и расслышал, а потому он недовольно поморщился, но сгрёб к себе деньги и плеснул мне в пластиковый бокал какого-то пойла.

– И всё? – остался недоволен я.

– Нет, бутылка тоже твоя. Только иди-ка отсюда подобру-поздорову.

Я взял бокал и початую бутылку, а затем двинулся в сторону выхода. Меня обсуждали, это было понятно, но мне до этого не было никакого дела. Я был раздавлен, убит. Мне хотелось приглушить ту боль в сердце, что сжигала меня, а потому я вышел и первым делом отхлебнул из бокала. Легче мне не сделалось, скорее, наоборот, так как бутылка выскользнула у меня из руки и со звоном разбилась. Алкоголь растёкся по металлической сетке пола, источая терпкий запах.

– Зараза, – ругнулся я, после чего залпом допил напиток в своём бокале и выкинул его в урну.

Напиться до свинячьего визга мне судьба не позволила, а потому я подошёл к перилам лестницы, что вела на ярус Рая ниже, и опёрся о них руками. Я стоял, смотрел, думал. И оттого не сразу понял, что кто-то ко мне обращается.

– Эй, так ты Дэвид или нет?

– Дэвид, – ответил я и обернулся.

Подле меня стоял Джон-громила. Наверное, он либо жил в этой части Рая или работал, так как, кроме как на футбольном поле, мы с ним не сталкивались (пара посиделок футбольной командой в баре не в счёт).

Не знаю, как он оказался здесь, но Джона за время жизни в Раю я научился уважать и ценить. Он был дельным игроком, вот и я улыбнулся ему через силу.

– Ха, вот уж не ожидал тебя здесь увидеть.

– Я тоже, – ответил я и, так как говорить, вроде как, боль-

ше не о чем было, сказал. – Иногда чисто судьба с кем-то встретиться.

– А, знаешь, пожалуй, да, – обрадовался Джон и, подойдя ближе, тоже оперся на перила. – Будешь смеяться, но я шёл, думал о тебе и, хоп, совершенно невзначай встретил.

– Ты думал обо мне? – скептически посмотрел я на него. – Почему?

– Да тут такое дело, бро... Короче, я знаю, что ты отлично трудишься в отряде «Тэта». Тебя там уважают и, в принципе, рваться оттуда смысла у тебя нет. Но давай прямо, ты для меня уже свой в доску парень, а потому как ты смотришь на перевод в «Дельту», э?

Я недоверчиво уставился на Джона. Прожив в Раю считай год, я уже был прекрасно осведомлён – чем ближе к «Альфe», тем выше твоё жалование и тем значимее ты по рейтингу. Мне предлагали совершить небывалый карьерный взлёт.

Однако, моё ошарашенное молчание способствовало тому, чтобы Джон продолжил:

– Дэвид, ты и специалист хороший, и физически подготовлен, а нам как раз такая замена нужна. Погиб один из полевых хакеров. Вот я и подумал, что, может, дойдём до моего командира, а? Пусть он тебя оценит. Вдруг ты подойдёшь в наш отряд?

– А с чего это я не подойду, э? – я постарался расправить плечи, чтобы выглядеть массивнее, но помогло это мало. Пусть моему здоровью доктора ставили крепкую четвёр-

ку из пяти возможных баллов, и выносливость проявлял я отменную, но мышечной массой всё не обростал.

– Вот и я о том, – хохотнул Джон. – Короче, если ты сейчас свободен, то нечего время терять. Пошли, а то как бы кого-то другого не утвердили.

– Пошли, – отодвинулся я от перил.

По-хорошему, мне стоило бы другое сказать. Мне полагалось предложить Джону зайти в бар и там пожаловаться на Мэрилин. Какие мне собеседования? Чтобы прийти в себя мне сперва полагалось бы отдохнуть недельку, собраться с мыслями. Но мне отчего-то почудилось, что судьба решила сделать мне подарок за горькое расставание с любимой.

«Пусть поймёт, чего она лишилась, – мстительно рассуждал я. – Пусть и дальше живёт в своей комнатухе, где едва хватает места для её никчёмных фарфоровых свиней. Я-то отлично устроюсь! Благодаря работе в «Дельте» у меня уже через полгода будет не просто своя квартира, а даже на две комнаты. Вот!».

С небес на землю меня опустил голос Джона. Мы некоторое время шагали бок о бок, но молчали. А тут он сказал:

– Слышь, Дэвид.

– А?

– Только ты про своё человеколюбие помалкивай, хорошо?

– Эм-м?

– Ну, я же помню, как ты расклеился из-за тех мелких в

детском саду.

– Джон, – кисло поморщился я, так как речь шла о событиях почти двухмесячной давности. – Я просто тогда не ожидал, что в новостях покажут о том, что погибли дети, вот и всё. Я был шокирован. В остальном, это же не моя вина, что они погибли. Это чёртова система ошиблась и сделала так, чтобы они оказались внутри. Мою решимость это не поколебало, то и психолог подтвердит. Я человечество вообще-то спасаю.

– Ха, вот так и держи курс!

Я не особо понял, к чему он клонит и к чему большой палец вверх показывает. За месяцы в Раю я уверился, что теракты необходимы. Что так я помогаю людям вспомнить про свою истинную природу и вернуть её. Ведь разговоры про ограниченные ресурсы и загрязнения – это сущий бред. Можно, да-да, можно всё сделать по-умному, чтобы всем быть в шоколаде. И порой я даже мечтал, что именно мне суждено придумать это идеальное устройство мира. Просто некогда пока как-то было. То Мэрилин надо куда-нибудь свести, то работа, то с ребятами хочется погулять.

«Когда-нибудь потом», – в очередной раз говорил я себе и на этом успокаивался.

Глава 6.

Бодрость, принесённая как встречей с Джоном, так и выпитым алкоголем закончилась столь же быстро, как она пришла ко мне. По сути, стоило мне войти в кабинет командира своего приятеля, как некое нехорошее предчувствие сдавило мне горло. Дело в том, что взгляд этого человека один в один походил на ледяной и пронзающий насквозь взгляд следователя, с которым я некогда общался.

«Ни жалости, ни сочувствия, ни понимания, – проносились в моей голове осознание. – Я буду разговаривать словно с роботом, заточенным под одну единственную задачу – выявить мою вину и отправить меня на удобрения».

Разумеется, подобная мысль не придавала мне уверенности, но она включила скрытые ресурсы моего организма на полную. Пусть я не был гением, но я умело притворялся тем, кем не являюсь, более двадцати лет. О да, меня никто очень долгое время не мог заподозрить в обмане, и вновь притвориться кем-то у меня получилось чисто машинально.

Не дав страху проявиться на своём лице, я изобразил демонстративную радость и энергичность. Я создал иллюзию уверенности, а потому с порога бодро произнёс:

– Здравствуйте! Мне Джон сказал, что вы сотрудника ищите, да?

– Да, подбираю, – сухо ответил этот мужчина и, кивнув головой на разложенные на столе анкеты (одна из которых была моей), представился: – Меня зовут Сёгун.

– А я Дэвид.

Сесть Сёгун мне не предложил, и это было плохо. Стоя, у меня не было возможности скрыть начавшие подрагивать пальцы. Глубоко внутри я был на взводе, хотя, вроде как, ничего такого не происходило. Но из-за этого мандража... В общем, я своевольно облокотился спиной о стену кабинета и сунул руки в карманы брюк. Впечатление это произвело, брови Сёгуна ненадолго приподнялись в удивлении.

– Тебя не учили правилам приличия, что ли?

– Учили. Просто такой дрессировке я как-то плохо поддавался, – солгал я, чтобы и дальше прятать ладони в карманах.

– Ладно, стой как тебе хочется. В конце концов, мне от тебя совсем противоположное требуется, нежели соблюдение общепринятых правил, – в недовольном тоне сообщил начальник Джона и приподнял над столом мою анкету. – Обычно я такие данные не рассматриваю. Меньше года в Раю – уже показатель, что психоанализ личности верен хорошо если процентов на пятьдесят. Такие бумажки я сразу выбрасываю в мусор.

«Так выкиньте их, и я пошёл», – так и хотелось сорваться у меня с языка, а потому я стиснул зубы. Было бы сушей глупостью открыть рот ради таких вот слов. И, возможно, это был лучший вариант действий для получения должно-

сти, моё молчание Сёгуна заинтересовало.

– Что? – спросил он с демонстративным поднятием бровей. – Не только наглый, но порой ещё и скромный, что ли? Разве не будешь рекламировать себя, как специалиста?

– А надо?

Вопрос я задал чисто машинально, так как этот человек выбил меня из колеи. В его обществе я ощущал себя загнанным в ловушку зверем, и всё, на что меня хватало, так это наигранную самоуверенность. Поэтому даже свой вопрос (вопрос, который по сути был призван выяснить что же мне на этом собеседовании делать) я произнёс как-то так, что он прозвучал нахально. Но Сёгуну это понравилось, ненадолго на его лице появилась улыбка.

– Не надо. Не будь твои профессиональные навыки достойными, я бы не разрешил тебе переступить порог моего кабинета. Поэтому меня другое интересует, Дэвид – то, какой ты человек.

– Ну, я парень не промах. Это все подтвердят, – не покривил душой я.

– Нет, ну нравятся мне люди с чувством юмора! Ха, обычно у таких парней в стрессовых ситуациях голова на плечах остаётся, – снова остался доволен Сёгун, но затем отчего-то погрозил мне указательным пальцем. – Однако, хватит. Я не шутки твои слушать намерен, так как решаю подойдёшь ли ты для настоящих дел или нет.

Логика подсказала мне соорудить серьёзную рожу, вот

только нервная улыбка отчего-то никак не хотела сходиться с моего лица. Мне понадобилось с пару секунд, чтобы уголки губ всё же опустились вниз, и эти секунды показались мне вечностью, так как Сёгун не сводил с меня пристального взгляда. Собственно, я тоже на него пялился. Что-то нехорошее я чувствовал в этом человеке. Чудилось, будто стоит отвернуться, и что-нибудь недоброе со мной произойдёт.

– Скажи, Дэвид, ты хочешь заниматься настоящим делом? Ты хочешь сделать для Рая больше, чем ты делаешь сейчас?

Мне, конечно, куда как больше хотелось получать более высокую заработную плату, мне хотелось свою собственную квартиру не когда-нибудь, а, скажем, уже завтра. А ещё мне хотелось, чтобы Мэрилин пожалела о своём решении расстаться со мной. Я много чего хотел, но только не настоящее дело. Однако, я без раздумий произнёс:

– Само собой.

А что ещё я мог ответить? «Нет» сказать? Так ради чего я тогда на это собеседование припёрся?

– Хороший ответ, Дэвид. Но что, если эта работа требует от тебя решимости? Или, скажем, готовности пожертвовать чем-то дорогим для тебя.

– Чем, например? – уточнил я, так как мой ответ всерьёз зависел от того, чтобы мне довелось услышать. Я далеко не со всеми купленными вещами был готов расстаться.

– Например, своей девушкой. Как там её? – ненадолго уткнулся взгляд Сёгуна в мою анкету. – Ах да, милovidная

певичка из кабаре. Мэрилин Монро, видел её как-то. Так что, Дэвид, что, если я потребую от тебя её оставить?

– Вообще никаких проблем! – тут же выпалил я, благо к настоящему моменту моя скорбь из-за расставания была приглушена ненавистью. А ещё я испытывал куда как меньше желания жаловаться на несправедливость судьбы, нежели поначалу. За время совместной прогулки с Джоном, я как-то осознал, что будет правильнее рассказывать приятелям, будто это я свою девушку бросил, а никак не наоборот.

«Бросил, а потом ещё и квартиру сразу приобрёл», – поставил меня интеллект на более верные слова.

– Серьёзно? – между тем усомнился Сёгун. – А психоаналитики считают, что у тебя к ней глубокая привязанность.

– Слушайте, если это нужно для работы у вас, то я не только на расставание с Мэрилин готов, – смело заявил я, так как подобная фраза прямо рвалась из глубин моей души. В остальном, из-за того, что начальник Джона мне не понравился, рациональнее было бы сказать другое. Но раненое сердце... раненое сердце требовало унижить Мэрилин даже в её отсутствие!

– Похвально, – в голосе Сёгуна звучало откровенное сомнение. – Но не врешь ли ты мне сейчас?

– Пф-ф, хотите, так я отсюда выйду и сразу себе отдельное жильё сниму.

– Давай, – коварно улыбнулся мне Сёгун. – Даже, чего проще, вот тебе карточка от твоей новой комнаты. Служеб-

ной.

– Служебной? – не мог понять я, и потому всё глазел на то, как Сёгун сперва кладёт на свой стол карточку, а там и поддвигает её в мою сторону.

– Все мои сотрудники должны жить в шаговой доступности от транспортного депо. Поэтому давай, докажи, что ты достоин быть одним из нас. Перевози туда все свои вещи. У тебя есть на это сутки.

– Не проблема, – ответил я, накрыв карточку ладонью. Мне так и виделось, что вселенная награждает меня за что-то.

И да, с переездом проблем не возникло, если не считать то, что моё сердце обливалось кровью. Комнатка Мэрилин стала для меня настоящим домом. Мне было больно собирать с полок в чемодан вещи, больно вытаскивать из шкафа одежду. Ещё больше по моим нервам било то, как моя девушка (уже бывшая девушка) на меня смотрела. Я даже вмиг забыл про то, что хотел насмеяться над ней, рассказать, какую удачу принесло мне расставание. Я хотел только одного – прижаться к ней, поцеловать, стиснуть в объятиях так, чтобы не отпускать навеки! Но Мэрилин пресекла мои попытки поговорить с ней на корню. Это было ужасно обидно, а потому, войдя в свою новую комнату, я принялся плакать. Я рыдал горько. Так, как для мужчины не принято. Только что сопли на кулак не наматывал, а потом лёг на постель и просто-напросто отрубился.

– Эй, – проснулся я от того, что кто-то тормозил меня за плечо. Этим кем-то оказался Джон.

– Чего тебе? – буркнул я спросонок недовольно.

– Вставай давай, Сёгун тебя к себе зовёт.

– Зачем? Я сейчас ничего не хочу, – моё лицо плаксиво сморщилось, прежде чем я умоляюще прошептал. – Оставь меня в покое, Джон. Пожалуйста.

Лицо Джона выразило удивление, и это было для меня странным. Я думал, что увижу на нём либо сочувствие, либо злобу, но никак не удивление. Я не мог понять отчего он нахмурился, а затем даже покрутил у виска пальцем.

– Ты совсем тю-тю?

– А?

– В бабу свою ты крепко втюрился, я знаю. Но не рехнулся ли ты думать, что Сёгун тебе вернуть её запретит? Он тебя проверял на серьёзность намерений и всего-то.

– А? – настала моя пора удивляться.

– Давай, харю свою водой похолоднее ополосни, чтобы приличной выглядела, и дуй дальше на собеседование.

– Да какое ещё собеседование? – продолжал не понимать я. – Мне же вон, жильё дали. Приняли значит.

– Блин, Дэвид, не тупи, – начал злиться Джон. – Первую проверку ты прошёл, но это ещё только половина необходимого.

Мне оставалось только глупо моргать. Но пришёл я в себя достаточно быстро, так как Джон едва ли не силой заставил

меня пойти в ванную комнату. Там я омыл лицо, и мне действительно полегчало. Во всяком случае, когда я переоделся, то выглядел более-менее прилично. А, может, так получилось из-за того, что времени на страдания у меня не оказалось. Джон был всё время рядом и поторапливал меня.

– Вот он, – буркнул Джон, когда втолкнул меня в кабинет своего начальства. Сам он тоже вошёл внутрь.

– М-да, долго же ты его ко мне вёл, – выразил неодобрение Сёгун.

– Да этот чудила снотворное принял, едва веки разлепил, – несильно толкнул меня в спину Джон, и вынужденно я подошёл к столу ближе. Цепкий взгляд Сёгуна тут же пробежался по мне, но ехидничать он не стал. Вместо этого он открыл ящик и вытащил из него пистолет.

– Знаешь, как этим пользоваться?

Я оглядел оружие. Оно мало походило на автомат, с которым я уже был знаком, но общие черты в устройстве имелись. Поэтому я кивнул и сказал:

– Да. Нужно нажать на эту кнопку, чтобы снять с предохранителя, а затем только знай жми на курок.

– Тогда держи.

Я подумал, что мне выдают табельное оружие, а потому без колебаний взял пистолет. Я ему даже обрадовался, так как ему предстояло стать ещё одним экспонатом в моей коллекции личных ненужных вещей. Но я ошибся.

– Снимай с предохранителя.

Я удивился, но последовал приказу без вопросов. К этому приучили меня долгие годы службы как на поверхности, так и здесь – в Раю.

– Джон, приведи этого идиота.

Ненадолго Джон вышел. Я не понимал зачем, но задать вопрос мне не довелось, Сёгун продолжил разговор.

– Это хорошо, что ты готов жертвовать личными привязанностями. Прямо скажу, больше половины кандидатов на этом этапе собеседования отсеиваются, и, изучив твою анкету, я был уверен, что ты не справишься. Скажи-ка, тебя Джон надоумил так поступить?

– Нет.

– Хм, звучит честно, – подумав, ответил Сёгун и улыбнулся. – Собственно, в этом у меня было очень малое подозрение. Джон один из моих лучших людей. Самых верных. Хотелось бы, чтобы ты стал таким же.

– В моей верности вы можете не сомневаться.

Я отвечал, но на самом деле только и думал к чему всё то, что происходит сейчас? Нутром я ощущал какое-то второе дно, но не понимал ещё ничего.

«Что этому Сёгуну от меня надо? Дали бы мне уже работу и всё на этом. К чему эти странные разговоры?» – мучило меня непонимание. Но спрашивать я как-то поостерегся, ведь любой вопрос удлиняет беседу, а мне её хотелось закончить.

– Вот и узнаем, – между тем как-то недобро улыбнулся

Сёгун. – Потому что, Дэвид, жертва жертве рознь. У каждого своя слабость, свои убеждения. И анализ твоей анкеты таков, что мне нужно проверить тебя ещё на кое-что.

– На что же?

Мой вопрос слился со звуком открываемой двери. Её створки послушно разъехались в сторону и, оглянувшись назад, я увидел Джона и ещё какого-то шуплого парнишку лет двадцати, что тот вёл перед собой. Глаза этого парня смотрели то со страхом, то с гневом. Рот его закрывал кляп, руки находились в наручниках.

– Давай Джон, поставь его к вон той стене.

Джон послушно подвёл парня к стене слева от меня и придал ему плечо, чтобы тот не рыпался. Но тот и не сопротивлялся нисколько.

– Знаешь его? – осведомился у меня Сёгун, и я отрицательно помотал головой.

– Нет. А кто он?

– Леонардо Да Винчи, Орк Свободы. Владелец имён, которые вскоре никто не вспомнит, – в голосе начальника Джона слышались презрение и насмешка, но я был сосредоточен на другом – я внимательно вглядывался в лицо того, кого моя девушка посчитала лучше меня.

«Он такой молодой. И такой некрасивый», – при этом был поражён я.

На лице Орка Свободы не было никакой косметики, одет он был так же, как житель поверхности. Разве что ботинки

выделяли бы его из толпы техников (роба на нём была такой же, как у технического персонала высшего звена). Я не мог понять, что такого разглядела в нём моя Мэрилин.

– А ещё, – продолжал говорить Сёгун, – он ненужный элемент. Он был приглашён в Рай, чтобы жить в нём. Но этот человек мечтает уйти от нас, он хочет для себя другого будущего.

«Так и пусть уходит!» – был готов воскликнуть я, так как подобное соотносилось с моим видением того, чтобы Мэрилин, устав грустить, вспомнила обо мне.

– Вот только подобного допустить нельзя, Дэвид, – эти слова вынудили меня вновь посмотреть на Сёгуна. – Тот, кто не согласен жить по правилам Рая, однажды может возненавидеть его. Однажды он сможет поставить под угрозу наше сообщество. Поэтому, Дэвид, сейчас ты должен сделать выбор.

Невольно я посмотрел на пистолет в своей руке. До меня начало доходить, для чего мне его дали, но пока ещё я не был уверен, а потому слушал Сёгуна. Слушал, хотя в ушах у меня даже словно зазвенело от нервного перенапряжения.

– Докажи мне, что ты готов думать о благе для Рая. Убей его.

Сёгун всюду уставился на меня, но он мог бы этого не делать. Страх во мне всегда был сильнее всего остального. Сильнее гордости, сильнее чести. А сквозь услышанное мне довелось понять очень страшную вещь – если я сейчас опу-

щу пистолет, если ничего не сделаю, то обвинение в несогласии жить с правилами Рая могут выдвинуть уже мне самому. Ведь только идиот не сообразил бы, что после такого испытания прежним я уже не смогу остаться.

Подняв руку, я нажал на курок и только тогда вздрогнул. Только тогда я осознал как и то, что я наделал, так и то, как хорошо, что я не дал себе ни секунды на то, чтобы задуматься над тем, что я совершу. Видеть взгляд сползающего по стенке человека, за которым на белой краске оставался некрасивый алый цвет, было чудовищно для меня.

– Ого, молодец! Я даже не успел сказать, что если ты его не убьёшь, то... – похвала смеющегося Сёгуна меня отнюдь не порадовала.

– Я ж говорю, он нормальный мужик. Дельный. Я это по футболу понял, по тому, как он в команде себя ведёт.

Лично я не видел связи между тем, чтобы играть за нападающего в футболе, и тем, чтобы хорошо убивать людей по приказу, но промолчал. Сёгун между тем согласно кивнул и, прекратив улыбаться, сказал:

– Отчасти согласен. Но он знал, что этот мужчина виновен и опасен. Ты ведь понял это, Дэвид?

– Да, – буркнул я.

– Вот-вот. Но что, если... Короче, Джон, ты меня понял. Веди.

Джон понятно кивнул и снова вышел. Его не было буквально несколько секунд, но они показались мне вечностью,

так как я прекрасно понимал, что меня ждёт. И, увы, мой прогноз оказался положительным.

– Специально для тебя мне его с поверхности доставили, – с улыбкой похвастался Сёгун. – Этот бедолага ни в чём не виновен, но я хочу убедиться в том, что ты будешь действовать согласно моим приказам, а не нормам морали. Поэтому давай так. Либо ты безо всяких последствий возвращаешься на свою прежнюю службу, либо прояви себя – убей его, и тогда, как выйдешь из моего кабинета, получишь не только хорошую должность, но и первую премию.

«Представь, что это компьютерная игра. Представь, что это компьютерная игра, – мысленно потребовал от себя я. – И вообще, это не человек. Передо мной просто робот, всё это только тупая проверка!».

Я знал, что обманываю самого себя, но так мне было проще наводить пистолет. Несмотря на страх (я ведь чётко осознавал, что сам могу остаться трупом в этом кабинете), совесть сумела пробиться к моему разуму. Из-за этого палец едва не соскользнул с курка, однако, выстрел всё же прозвучал.

– Отлично, – услышал я Сёгуна. – Ты был прав, Джон, это хороший парень. Нам Дэвид подходит.

Глава 7.

– Волнуешься? – спросил меня Джон.

– Нет, что ты.

После того, как я получил место в отряде «Дельта», я и правда перестал волноваться. Какие волнения? Мне вновь стало до ужаса страшно, как и в те дни, что придали мне сил присоединиться к Раю. И хотя прошли целые сутки, я всё не мог забыть глаза людей, которых я без малейших колебаний убил. Чёрт! Это была не настройка детонатора в пустынном депо, не изменение программы работы обслуживающих систем, и даже не управление летающим дроном, чтобы сбросить бомбу именно в нужную точку. Пусть я знал о том, что моя деятельность может кому-то принести смерть, но трупов... трупов я никогда не видел. Даже тот сюжет в новостях про детский сад я давно списал на пропаганду, а тут. Проклятье, да я собственными руками убил двух человек! В упор. Глядя в глаза.

О, как же забыть этот взгляд, полный мольбы и надежды? Как же я смог? Как я смог выстрелить, да ещё дважды?

«Ты отличный обманщик и тот ещё трус, вот ты и справился», – холодно подсказал ответ внутренний голос.

Из-за проснувшейся совести меня бросило в жар, но внутренний голос был прав от и до. Я действительно не стал тра-

тить время, я представил, что играю в компьютерную игру, вот и нажал на курок. Окружающие не увидели даже тени гложущих меня сомнений. Ведь за год в Раю я ещё больше приблизился к тридцати. Я ещё лучше научился притворяться и ещё больше понял, чего могу лишиться вместе с жизнью. Я ведь только-только начал жить так, как мечтал столько лет!

– Чего? И правда не волнуешься, что ли? Это ведь твой первый инструктаж, – недоверчиво поглядел на меня Джон. И точно так же уверенно, как я некогда лгал следователю про свой страх, я солгал и про собственное бесстрашие:

– Ни капельки.

– Ну ты даёшь, бро. Крутяк.

Мы вошли в небольшую комнату с проектором и заняли свои места. Всего нас было двенадцать человек, не считая двоих спикеров. Но эти двое стояли обособленно и не обращали на нас внимание, покуда не начали вещать инструкции.

– Целью является больница Авиценны. Здесь проходят лечение тяжело больные дети, не достигшие четырнадцати лет, а потому она полна современных эффективных лекарств и компонентов для них. Тут полно всего, чем необходимо снабдить наше общество.

На слайдах я увидел внешний вид здания и фотографии его внутренней жизни. На них присутствовали разные люди: доктора в белых халатах, их маленькие и необычно серьёзные пациенты, медсёстры с какими-то папками в руках.

– А где охрана? – шепнул Джон, когда пихнул меня локтем в бок

Я поразился наблюдательности приятеля (приятеля ли?). Сам я то ли не был сосредоточен на слайдах, то ли для меня было важнее в настоящий момент рассматривать снимки детских лиц. Но ответить Джону я не успел.

– Эй, а где охрана? – безо всяких стеснений спросил какой-то вольготно вытянувший ноги бородатый мужик.

– Рад, что вы это заметили сами, – тут же похвалил спикер. – Из-за специфики как самого учреждения, так и возраста больных охрана в основном дистанционная, а потому сложность для изъятия медицинских препаратов может составить разве что...

Дальше я слушал в пол уха, потому что никак не мог переварить фразу «для изъятия медицинских препаратов». Оказывается, отряд «Дельта» намеревались отправить на грабёж. Нас бы всех принудили красть то, от чего напрямую зависит чья-то жизнь!

... Хотя нет, о чём я? Не просто чья-то жизнь, а детская. Из-за чьей-то жадности вот этот мальчишечка на слайде, так похожий на меня в детстве, умрёт.

С ума сойти, да я ведь сам лежал когда-то в больнице Авиценны! Там мне согласно списку очередности достались препараты по остановке вируса, стремительно поражающего лёгкие. А ему? Что будет с этим мальчиком, если лекарства изъять? Успеют ли фармацевты изготовить новое лекарство

или маленькое безжизненное тельце отправят на удобрения только потому, что кто-то здесь, в Раю, решил сделать для себя запасы?

Я был шокирован. Пусть меня ни разу не кусала совесть, когда я вскрывал банки продуктов, произведённых на поверхности, и прекрасно понимал я, что далеко не в Раю изготавливаются многие бытовые вещи. Пусть я понимал, что в силу обстоятельств Рай вынужден от жителей поверхности кое-что отнимать, но вот такое вот принять для меня оказалось невозможно.

– А какие именно медицинские препараты мы будем брать? – уточнил я, когда спикер дозволил задавать вопросы.

– Все, что сможете унести, – хохотнул он в ответ. То, о чём я осведомился, показалось ему смешным, вот он и спросил: – У кого-то ещё столь дурацкие вопросы или мы уже можем разойтись?

Пока этот человек обводил насмешливым взглядом собравшихся, я сидел так, словно онемел. Моя надежда, что мы изыдем только то, что в данный момент крайне необходимо жителям Рая, а остальное оставим, оказалась порожней.

«Вот почему я должен был убить тех людей в кабинете, – до конца осознал я во что вляпался. – Это была проверка смогу ли я убивать снова и снова».

«И, главное, ради чего, душечка? Чтобы люди из-за твоей алчности умирали и дальше?» – прозвучало у меня в голове голосом Мэрилин.

Не знаю, отчего я вдруг услышал именно её голос. Быть может, просто сцена нашего расставания (а именно то, как она уверяла меня, что не всё в этом мире должно покупаться и продаваться) вспомнилась. А после этого всё как-то начало вставать на свои места. Мне наконец-то стало понятно, какую именно гниль новенький Леонардо Да Винчи усмотрел в Раю, и отчего его наблюдательность привлекла Мэрилин.

«Она всё это знает. Мэрилин прекрасно знает про всю эту грязь, и она ей до смерти надоела», – осознал я. При этом мне стало ещё больнее на сердце. Девушка, которую я полюбил всей душой, решила не открывать мне глаза, не сказала правду.

Мне пришлось помотать головой, чтобы вернуть себя в реальный мир. Члены отряда «Дельта» вставали со своих мест, следовало и мне уходить.

– Слушай, да ты и прям, молодец. Не ошибся я в тебе, – вдруг потрепал меня по плечу Джон. – Мне, конеш, сказали присматривать за тобой, но я вижу, что всё путём. Ты с каменным лицом сидел. Наш человек!

Я через силу улыбнулся, хотя внезапно ощутил что-то мерзкое. Мне даже не было известно название этого чувства, но я знал, что из-за него Джон мне приятелем больше не будет. Никогда. И именно из-за этого я вскоре попрощался с ним. Для меня было отвратительно его видеть, а ещё я знал, что должен увидеть свою Мэрилин.

Так просто улизнуть у меня не получилось. Я заметил слежку за собой, хотя старался уйти скрытно, и это меня нервировало. Однако, пытаться уйти от наблюдателя стало бы сущей глупостью. За мной не просто так наблюдали, и допустить я ошибку, так быстро превратился бы в безжизненное тело.

«Будь спокойнее, всё ещё хорошо. Ты просто идёшь к своей девушке и всего-то. Никто же не запретил тебе с ней общаться, так что всё хорошо. Ты просто проявляешь эмоциональную слабость в отношении неё», – старался успокоить себя я.

Тревога понемногу действительно стала тише. А, может, успокоило меня то, что, когда я вошёл в кабаре и подошёл к барной стойке, то Ретт Батлер сказал:

– Мэрилин? Так она в гримёрке у себя.

Я аж выдохнул напряжение. Не застав Мэрилин на сцене кабаре, мне вдруг почудилось, будто её сродни новенькому Леонардо Да Винчи повязали. Но, видимо, всё обошлось. Зря я переживал.

– Эй, Дэвид, стой, – остановил меня Ретт, едва я от него отвернулся.

– Чего?

– Я знаю, что произошло между вами, и мне действительно жаль. Вы были хорошей парой. Но, Дэвид, Мэрилин боль-

ше не хочет тебя видеть, так что никто не пустит тебя в гримёрку.

Эти слова расстроили и воодушевили меня одновременно. Некий холодок пробежался по моей спине, когда я осознал, что больше так просто увидеть Мэрилин я уже не смогу. Но, с другой стороны, наблюдателю за мной тоже пришлось бы чертыхаться. У меня в гримёрку ещё имелся шанс попасть, а уж его (все сто процентов!) туда бы уже не впустили.

«Во всяком случае, пока я там вместе с Мэрилин, третьего лишнего охранник не впустит, ни за что», – размыслил я и улыбнулся.

– Дэвид, зря улыбаешься, – воспринял мою улыбку иначе Ретт Батлер. – Ничего у тебя не выйдет. Вы не примиритесь, если ты будешь Мэрилин надоедать. Дай ей хотя бы недельку отдохнуть от тебя. Пусть она соскучится.

– Нет, я должен её увидеть.

Из хорошего – с охранником я договорился. Дурной момент, Мэрилин моему приходу не обрадовалась. Когда я открыл дверь в её гримёрную, отражение лица Мэрилин в зеркале тут же скривилось.

– Уходи, Дэвид, – нежный голос сквозил усталостью и недовольством. – Мой рабочий день только что закончился, я хочу смыть макияж и пойти домой. Я хочу отдохнуть, а не с тобой ссориться.

– Но мне нужно с тобой поговорить, – с отчаянием про-

изнёс я, прежде чем встревоженно заозирался и закрыл дверь. – Мэрилин, со мной произошло кое-что ужасное. Я... я не знал, что здесь такое творится. Я не знал, что Рай... Мэрилин, они заставили меня убить его! Леонардо Да...

Она не дала мне договорить. Быстрым движением Мэрилин повернулась на крутящемся бордовом кресле ко мне лицом и процедила:

– Ты посмел убить его?

– Да, но они мне приказали!

Несколько долгих секунд ничего не происходило. Мэрилин с той же злобой смотрела на меня, я глупо стоял у двери и смотрел то на её светлые волосы, то на алую помаду на её губах. Даже в такой момент я восхищался красотой этой девушки.

... Вот только она мной очарована отнюдь не была.

– Убирайся, Дэвид, – наконец, прозвучали её жестокие слова. – Твои проблемы мне не нужны.

– Что? Но, Мэрилин? – поразился я ответу. – Мне нужна помощь, я хочу выпутаться из всего этого. Они заставили меня убить двух человек. Понимаешь, двух! И это не всё. Они хотят, чтобы я отправился грабить больницу, чтобы я забрал всё у нуждающихся детей.

– И что?

– И что? – глупо переспросил я.

– Да, и что? Как будто ты ради спасения своей шкуры или же ради квартирки с шикарным видом на сад всего этого не

сделаешь. Сделаешь, Дэвид, уж я-то тебя знаю. Ты такой же как я, как тысячи других. Из-за страха потерять жизнь вместе со всеми её удовольствиями стоит периодически закрывать глаза на справедливость, правда?

Я молчал, так как с трудом переваривал факт, что Мэрилин права. Это доказывала вся моя жизнь. И, возможно, вся её жизнь тоже. Мы оба были те ещё трусы, оказывается. Тот человек, которым я представлял себя, оказался непрочной иллюзией, и это осознание вышло таким болезненным, что моё лицо скривилось. Я бы мог даже заплакать, вздумай Мэрилин ещё хоть что-то такое сказать, но она, разглядев моё состояние, решила не издеваться. Вместо этого Мэрилин тяжело вздохнула, грациозно встала с крутящегося кресла и ненадолго выглянула за дверь. Только удостоверившись, что в коридоре никого постороннего нет, она тихим голосом сочувствующе произнесла:

– Слушай, Дэвид, мне жаль, что тебе довелось понять обратную сторону Рая. Правда, я думала эта проблема тебя не коснётся. Ты достаточно тупоголовый, чтобы не видеть правды у себя перед носом десятилетиями. Но, душечка, ты сам сделал выбор отказаться от всеобщего блага ради себя самого. В конце концов, разницы нет забираешь ты чью-то жизнь, как в отряде «Тэта», косвенно или же, как это делает «Дельта», напрямую. Это происходит, вот и всё.

– Но я же ничего этого не знал! – обиженно воскликнул я.
– Всё ты знал, – намеренно улыбнулась она мне. – В конце

концов, ты же прекрасно пользуешься вещами с поверхности. Ты скупаешь для себя лучшее и в том количестве, что тебе по нраву. Но если что-то перемещается с поверхности в Рай, то.... В общем, Дэвид, вот тебе простая математическая задачка – если ты что-то забираешь себе, то что остаётся другому? Ничего, Дэвид, ничего не останется. Поэтому не изображай из себя невинность. Ты всё также вымазан грязью с головы до ног, так что не убеждай ни меня, ни себя в своей чистоте. То, во что в тебя втянули, особой грязи на тебе не прибавило. Скажу так, лично я разницы между тем, кем ты был и кто ты сейчас, не вижу.

– Мэрилин, – тихо пролепетал я. – Почему ты так со мной? Ведь... ведь ты же хотела присоединиться к этому новенькому, я уже понял это. Так, может, попробуем вырваться отсюда вместе? Давай сбежим?

– Куда и как? – криво усмехнулась она и одновременно встряхнула своими роскошными светлыми волосами.

– На поверхность. Ведь если можно уйти оттуда, то есть шанс и вернуться. Кто-то стёр наши данные там, но ведь их можно и восстановить. Я же программист, я бы справился. Мне нужно только понять, с какого конца браться за дело.

– Пока ты будешь искать конец этой ниточки, ты вляпешься в такое дерьмо, что простой смертью не отделаешься, – уверенно заявила Мэрилин. – В Орка я бы ещё могла поверить. Он был умным парнем, реально стоящим. С таким бы я рискнула жизнью, но ты... – замотала она головой. –

Дэвид, ты недостаточно хорош.

– Почему это? – тут же обиделся я. – Вообще-то у меня отличные навыки программирования.

Улыбка на лице Мэрилин говорила о том, что я сморозил какую-то глупость. Я это чувствовал. И вообще, я вдруг стал ощущать себя в её обществе так же, как маленький нашкодивший ребёнок может ощущать себя в присутствии воспитателя.

«Недотёпа. Вот я кто для неё», – шепнул мне внутренний голос.

– Дэвид, я говорю про другой ум. И про другой характер. Смиришь, ты никогда в своей жизни ничего стоящего не совершишь. И можешь не обижаться, другие типажи в Раю появляются редко. Сюда приглашают только тех людей, которых можно удобно использовать. А теперь прощай, Дэвид. И, лучше всего, вообще не приходи в это кабаре. Найди себе другое развлечение.

Мэрилин решительно открыла передо мной дверь и мне ничего не осталось, кроме как уйти из гримёрной. При этом чувствовал себя я поганно. Я был раздавлен, как таракан. Всё, что я считал своим счастьем, оказалось только моим миражом.

«Идиот. Какой же я идиот!» – так и проносилось в моей голове.

Шагая по улице и прокручивая в голове слова Мэрилин, я постепенно начал размышлять над тем, как же мне надоело

быть второсортным неудачником и трусом. Мне крайне не понравился тот образ, что она видела во мне. Я не хотел быть таким мерзким человеком!

«Я хочу быть сильным, хочу совершать достойные поступки. Такие, чтобы меня уважали по-настоящему», – мыслил я, как мыслил и о том, что же мне мешает стать таким человеком. И, наверное, проблема была именно в моём характере. Сперва из-за страха потерять мечту о личном имуществе, я потерял жизнь как таковую в принципе. Пусть от идеологии поверхности меня воротило, но там с лихвой хватало того, из чего можно было создать счастье. Я мог бы завести себе друзей, мог бы подать заявку на жену. В конце концов, сейчас я ощущал себя так, что был бы полностью согласен с тем, чтобы вторую половинку мне выбрала система. Ведь система мудра, она досконально подбирала партнёра. А вот сам я... сам я только с Мэрилин связаться и смог.

Имя Мэрилин вернуло меня к началу размышлений. Я понял, что мог бы стать счастливым и другим, если бы действительно хотел им стать. Но мне больше хотелось сомневаться, ненавидеть, хвастаться.

А, может, это было всего лишь влияние ситуации на мои мысли.

Мне просто вдруг сделалось до невозможности тоскливо от того, кто я есть. И вот ведь странно. Имея возможность покупать всё, что мне захочется, имея средства на это, я всё равно чувствовал себя до ужаса несчастным.

«А если я несчастлив, то личные вещи – это отнюдь не то, чего я на самом деле хочу», – посетило меня озарение, и оно заставило меня сесть под одним из деревьев в бетонной клумбе. Я сел и всё думал и думал – чего я хочу от своей жизни? Что бы сделало меня счастливым?

Глава 8.

Хороший вопрос.

О да, чего я хочу – это действительно очень хороший вопрос!

Стоит ли мне нажать на кнопку и вызвать спецназ? Тогда я практически стопроцентно умру, весь отряд «Дельта» умрёт, но эти дети останутся живы. Я ведь вижу перед собой результат запроса. Я же такой дурак, что специально начал копать в информационном центре больницы, рассчитывая унять совесть данными о периодичности поставок медицинских препаратов.

– Грёбаное правительство, – тихо выругался я и решил, что будь прокляты те, кто отдал указ производить всё в этом мире впритык!

Меня охватила неистовая злоба. Я бы хотел купить жизнь для всех, но это было невозможно. Как говорила Мерилин, не всё получается приобрести в этом мире. И если у кого-то что-то забрать, то у него не останется ничего.

Моя злость едва не вылилась в то, что я бы вот-вот ударил кулаком по экрану терминала. Но в тот момент, когда я сжал пальцы в кулак, раздалось шипение, а затем из крошечного динамика у моего уха донёлся искажённый помехами голос Джона:

– Эй, Дэвид, дверь уж как три минуты назад открылась. Где ты там застрял?

– Скоро буду, – солгал я, наклоня голову ближе к закреплённому на плече переговорному устройству. А дальше всё получилось как-то само собой. Я спонтанно снял прозрачную крышку с кнопки тревоги и....

«Да пропади всё пропадом, я не какой-то слабак. Я должен сделать хотя бы что-то стоящее. Хотя бы раз в жизни! – взрывала мой мозг мысль, и одеревеневшие пальцы коснулись пластика кнопки. – Ради детей, Дэвид. Неужели даже ради детей ты не сможешь поступить благородно?».

Мне было страшно. Так страшно, что по итогу я не нажал на кнопку.

– Дэвид, ты где?

Мысленно проклиная себя за глупость и нерасторопность, я бросился со всех ног к хранилищу. Мне не хотелось, чтобы Джон смотрел на меня с подозрением, это бы лишило меня свободы передвижений в будущем. Если бы не его вмешательство даже на эти короткие семь минут, что я провёл у терминала, меня бы не оставили одного. Но Джон принял важность того, что важнее использовать людей в другом деле, нежели контролировать меня. И за это я чувствовал благодарность.

Когда я прибыл в хранилище, парни из отряда уже всю старались. Они аккуратно, но профессионально быстро, складывали лекарства в чёрные контейнеры, заполнен-

ные специальным гелем. Этот гель не дал бы стеклу драгоценных ампул разбиться.

– Дэвид, ну чего ты так долго-то?

– Подвёл анализатор. Дольше обычного определял не ушёл ли в систему сигнал о подозрительной деятельности.

Моему вранью поверили. Снова. Ведь в этом я был спец, да и передо мной стоял тот, кто причислял меня к своим приятелям.

– Давай быстрее, тут ещё одна кодовая фигня.

Вообще на операцию программист не так уж требовался, взлом предполагалось осуществить через поддельные ключи. Но что-то не срослось. Видимо, украденные данные оказались неактуальными, а потому мои умения «про запас» вдруг стали решающими для исхода всего дела.

– Ладно, попробую, – кисло ответил я.

Грустную мордашку я скорчил намеренно. Мне хотелось, чтобы все поняли – защита тут та ещё, вот потому ничего у меня и не вышло. Я не хотел открывать эту дверь, ведущую во вторую часть хранилища, где располагались ингредиенты для производства лекарств короткого срока годности. Я хотел оставить детям хотя бы что-то, но мне как-то «повезло». Вроде бы я делал всё то, что не сработало бы, а оно взяло и получилось.

– Красава, – довольно оскалился Джон.

Его похвала не была мне в радость. Грустно мне стало и оттого, что не все ребята из «Дельты» прошли через тяжёлую

сейфовую дверь. Закрыть её за ними и, совершив звонок в полицию, сбежать (да хоть куда-нибудь!) у меня не вышло бы. Поэтому я ненадолго закрыл глаза и всё же вошёл внутрь второй части хранилища.

Помещение было скучным, унылым из-за мягкого освещения и белоснежных стен. Ещё здесь было много отблёскивающих хромом стеллажей, на которых хранились различные ингредиенты. Некоторые, особо ценные, дополнительно были заперты в металлических ящиках. Из любопытства я подошёл к одному из них и без особых проблем открыл его. Всего-то потребовалось чуть сильнее дёрнуть за ручку. Замок оказался хлипким, поэтому вскоре мне довелось увидеть, что же там внутри. Однако, вытянутые колбы в двойной защитной упаковке выглядели малопривлекательно для моего взора. Это же не пиджаки, не кольца и не ботинки. Так что лишь из-за того, что больше в помещении рассматривать было нечего, я, хмыкнув, вытащил одну из колб из гнезда в намерении рассмотреть её внимательнее. В самом деле, что именно мы крадём-то?

– Не понял, – вдруг от неожиданности прошептал я вслух и по новой начал рассматривать маркировку.

На ней было напечатано заковыристое название, химическая формула и две даты: производства и конца срока годности. И поразило меня то, что первый год принадлежал к началу позапрошлого века, когда человечество ещё жило на своей прародине, а второй... второй был нынешним – две

тысячи двести двадцать седьмым.

Я часто заморгал от шока, а затем без суеты принялся внимательно осматривать содержимое всего ящика. Но, не иначе как, оно относилось к одной партии, потому что данные были одними и теми же.

– Чего стоишь, Дэвид? На что пялишься? Помогай давай, – пожурил Джон, подойдя ближе ко мне. Но вместо слов я сунул ему под нос одну из колб.

– Ты это видел? – шепнул я ему словно по секрету.

Приятель сначала не понял безмерного удивления в моих глазах, но затем, когда я ткнул пальцем на маркировку, лицо его озарила понимающая улыбка.

– А, вот ты о чём. Неужели чего-то другое ожидал?

– Джон, это же такое старьё.

– Так всё в нашем мире такое старьё.

– Но... но почему оно здесь? Почему в больнице для тяжело больных детей? Срок годности почти что подошёл к концу, такие ингредиенты опасно использовать.

– Опасно? Нет, Дэвид, ты реально порой ку-ку, – покрутил Джон пальцем у виска. – Именно потому это старьё здесь и лежит, что о детях прежде всего принято заботиться. Или ты вдруг забыл, какое наша нынешняя планета «сокровище»? Другая гравитация, другая атмосфера, а если не землетрясение или извержение, то всё оборудование летит из-за коррозии. Фауна и флора тоже не позволяют выйти за пределы защитного купола, а работа наших производственных мощ-

ностей создаёт радиацию, которая ни в какую не рассеивается... а потому какой ещё итог быть может?

Обо всём, что Джон мне говорил, я знал прекрасно. Наша родная планета погибла до того, как человечество обжило эти суровые земли. По сути, мы только вошли в эру космических путешествий, как вдруг произошло то, что наш родной дом разрушило, превратило его в кольцо безжизненных астероидов. Невредимыми остались лишь несколько туристических и военных крейсеров, что в тот момент находились вдали от орбиты. И возвращаться им было некуда.

Мне всегда было страшно представлять, чтобы сделал бы я в такой непростой ситуации. Но отчасти я понимал тех, кто предпочёл разгерметизацию и быструю гибель. Ведь нам – потомкам тех людей, что вознамерились обжить соседнюю негостеприимную планету, досталась та ещё жизнь. Ни один из космических кораблей не был подготовлен к колонизации, а потому сложности возникали на каждом шагу. Отовсюду, начиная с постройки защитного купола и сборки систем жизнеобеспечения, до создания альтернативного топлива для оборудования.

Так что да, мне было прекрасно известно всё то, что сообщил Джон. Чего я не понимал, так это...

– К чему ты мне это рассказываешь?

– Да к тому, что все ресурсы ограничены.

– Бред, – замотал я головой. – В Раю все знают, что ресурсов много. Я сам распространял правду об этом.

«Издевается он, что ли?» – даже подумал я, так как столько раз внедрял в систему вещания всплывающие окна с истиной. Я распространял информацию о том, что большинство проблем нехватки ресурсов разрешены, но правительство намеренно скрывает это для контроля населения. Я закреплял фотографии тайных подземных ферм, даже видел кадры со стройки нового, второго мегаполиса, о котором гражданам ничего не сообщали.

Я был уверен в том, что мне стало известно. Я считал, что Рай раскрыл мне глаза. Но Джон аж расхохотался над сказанным мною и тем привлёк внимание некоторых из ребят.

– Эй, ты чего?

– Да так.

Так как объяснения от Джона не прозвучало, вскоре парни продолжили набивать сумки всем, до чего дотягивались их руки. Я же так и смотрел на Джона, вот он и покачал осуждающе головой.

– Дэвид, ты порой как ляпнешь.

– А что я не так сказал? – возмущился я.

– Ладно, разрушу твои наивные иллюзии, – тяжело вздохнул он. – Скрываемое от общества обилие ресурсов – это всего лишь красивая сказка для жителей поверхности, чтобы они почаще устраивали бунты и волнения. Так наша деятельность упрощается. Но, блин, Дэвид. Чувак, я даже представить не могу, как такой здравомыслящий человек, как ты, во всё это поверил. Нет, ну реально, да откуда на этой пла-

нете взяться тому, что нужно для жизни человека, рождённого где-то там?

– Я думал... я думал, что это правда. Может, не во всём, да. Но во многом.

К счастью, мой собеседник неверно оценил глубину моего потрясения.

– Ну, и чё с того? Мы-то своевременно успели пристроиться, – подмигнул он мне. – Гордись, ты в кучке избранных. У Рая уже до одури запасов, склады аж ломаются. Мы ещё переселимся на поверхность, так как всех здесь переживём... А и погрём, так и то ладно! Потому что жить-то будем на всю катушку.

– Да, на всю катушку, бро, – улыбнулся я ему профессиональной улыбкой лжеца и, покуда все были заняты, тихонько ускользнул в информационный центр, где, уже без тени сомнений, нажал на кнопку тревоги.

Почему даже сомнения покинули меня? Не знаю. Пожалуй, в тот момент мне открылось что-то важное. Что-то, из-за чего я испытал неподдельное счастье. И да, пусть было странно ощущать радость перед лицом будущего сурового суда, но меня переполняли положительные эмоции.

Впервые в жизни я ощутил себя честным человеком.

– Всем встать, суд идёт! – зычно произнёс судья.

Я поднялся один, так как больше никому было вставать. В зале суда больше никого не было. Прокурор и адвокат присутствовали через дистанционную связь. Судья тоже.

А дальше всё было, как во сне. Меня почему-то защищали, но я настойчиво признавал свою вину. Мне не нужны были поблажки за то, что я сдал тех, кого только мог сдать, потому что помогло это мало. Входа в Рай через Брайтон Бич двадцать шесть служба порядка не нашла. А другого я не ведал. Мне ведь было очень мало известно. Я целый год прожил в счастливом сне, но не стремился чего-то там понять. Я вёл себя беззаботно, необдуманно. Глупо.

– Мистер Альберт, позвольте задать вам вопрос.

Я вздрогнул, узнав голос, и вскоре понял, что память меня не подвела. На подиуме возникла голограмма следователя.

– Да, пожалуйста, задавайте.

– Почему вы не хотите помилования?

Для меня было невозможно объяснить тот жизненный путь, что я прошёл. При нашей первой встрече я был одним человеком. Но сейчас две тысячи двести двадцать седьмой год, и теперь я другой. В несколько месяцев для меня уместилась целая жизнь. Такая, которую не всякий сможет прожить. Я приобрёл кое-что значимее опыта и уж точно то, что никак не купишь за деньги. Во мне поселилась мудрость. И, оглядываясь назад, оценивая себя прошлого, я более чем понимал – такой человек жизни не достоин. Думая только о себе, я сделал самого себя центром мира, вот и потерялся в

нём. За разглядыванием себя я упустил из вида всё то, что мне стоило увидеть.

– Мистер Альберт, что вы молчите? Вы ведь доказали, что способны понять систему. Вы можете встать на её защиту и тем принести обществу пользу. Отчего вы отказываетесь её приносить?

– Нет, сэр, вы не правы, – лицо следователя выразило удивление. – Я сделал больше, чем понял. Я принял систему и теперь хочу отказаться от всего личного.

– Но у вас ничего нет.

– У меня есть жизнь, за время которой я... Знаете, в чём истина, сэр? Это простая математика. Если ты забираешь что-то, то другому ты не оставляешь ничего. И я достаточно забирал, вот и настало моё время отдавать. Поэтому, если вы считаете, что мои тело и разум ещё могут принести пользу, то дайте мне до казни выступить перед людьми.

– И что вы хотите им сказать?

– Что некогда мир был основан на потреблении. Человек брал то, что хотел, и тогда, когда хотел. Мы эволюционировали с этим качеством. Мы тысячи лет взращивали своё эго, и потому это наш природный инстинкт, который так сложно побороть. Но с ним и не надо бороться.

Следователь нахмурил брови, а я с добродушной улыбкой сказал:

– С ним не надо бороться, потому что человек – не дикое животное. Человек способен понять, выбрать высшую цель.

Поэтому я хочу рассказать людям правду, такую какая она есть, и тогда не появятся десятки, сотни, а, может, и тысячи тех, кто делает неправильный выбор.

– Мне жаль, мистер Альберт, но такое не может быть донесено до общества, – в строгом тоне ответил вместо следователя судья. – Узнай человечество, что несмотря на все меры, менее чем через сто лет ресурсы окончательно закончатся, то начнётся паника. Всё может стать только хуже.

– А, быть может, нет? – уставился я на голограмму. – Наш родной Фаэтон погиб, но мы ещё можем обжить и сохранить для потомков эту землю. Скажите всем правду. Скажите! Тогда люди вспомнят, чьи гордые имена они носят. Не просто так ведь они даны нам.

– Разумеется, не просто так, мистер Альберт. Пока живёт память, есть надежда на будущее. В конце концов, так или иначе, а все великие люди возвращаются. Их мысли, их идеи проявляются сквозь пространство и время. Но вашу последнюю просьбу я не могу удовлетворить, она опасна для обществуственности.

Молоток судьи с громким звуком опустился, робот-секретарь начал зачитывать приговор, но это меня не остановило. Я взмолился:

– Нет, расскажите всё людям прямо сейчас. Пожалуйста! Тогда они поймут, тогда всё изменится! Я знаю это, знаю наверняка!

Голограммы молчали. Следователь тоже ничего мне не от-

ветил, но моё тело, когда я посмотрел на него, расслабилось. Мне не требовались слова, я увидел его взгляд. Этот человек меня понял, и его силы духа хватило бы, чтобы он осуществил мою просьбу. Поэтому я улыбнулся. Отчего-то, одной ногой стоя в могиле, я вдруг понял, что счастлив. Действительно счастлив тому, что, быть может, благодаря мне сумеют выжить в этом непростом мире тысячи других.

О да, я почему-то знал, что моя смерть проложит путь ко времени открытий, что изменят природу человека так, чтобы этот мир не отторгал, а принял нас. Пусть мне не было известно то, как это будет осуществлено, я это чувствовал. И по этой причине мне было не так страшно сделать первый шаг в открывшуюся дверь. Там меня ждало медицинское кресло. Ещё вот-вот и мне бы сделали смертельную инъекцию, а моё тело стало бы основой для массы, без которой каменная крошка планеты никогда не превратится в плодородную почву. И вот, что странно – я ничуть не боялся покинуть этот мир. Я словно бы не прощался с ним, а говорил ему до свидания.

– Вы готовы?

– Да, – ответил я доктору и сел в кресло. Самозатягивающиеся ремни тут же обхватили мои запястья и лодыжки. Металлический обруч прижал шею к спинке. И всё же я этого всего словно не чувствовал. Мой взгляд сосредоточился на большеватом кольце, что было на моём указательном пальце. Мои мысли возвратили меня к воспоминаниям о счастливых

дней с Мэрилин. Я думал обо всём том, что раскрасило мою жизнь яркими красками, а также о том, что для меня смерть в любом случае была бы неизбежна. Жить той жизнью, что принята в обществе, я всё равно бы уже не смог. Да и правду я сказал следователю, я осознал, что должен нести ответственность за свои поступки.

– Начинаем процедуру.

Я прикрыл глаза и сразу ощутил, как кожу возле локтя кольнула игла. Это было немного болезненно, но то была моя последняя боль в жизни, вот я и улыбнулся. А дальше все мысли покинули мой разум. Моё тело обмякло, и это стало последним, что я ощутил.

Навеяно рассказом

Вы знали о планете Фаэтон?

Учёные считают, что она

За Марсом сразу же была

И тайн в себе хранила сонм.

Вы знали, что на звёздных кораблях

Мы привезли с собой её секреты?

Да, на Земле фаэты не воспеты

Но дышим мы во всём, что вокруг вас.

Пускай для человечества мы сон,

Фаэты жизнь создали для потомков.
И тени их кричат среди обломков:
«Вы вспомните планету Фаэтон».

Элтэнно Х.З.